

ЖИВАГО
по роману Пастернака

пьеса Аси Волошиной

Юрий Живаго
Тоня
Лара
Павел Антипов, Стрельников
Комаровский
Белый мужчина, Красный солдат, Некто в штатском

1 акт
скрещенья

0.

БРЕД. Шли и шли и пели «Вечную память», шли и шли и пели «Вечную память», шли... Гроб закрыли, заколотили, стали опускать. Отбарабанил дождь комьев. Мама! Или вот ещё: в старину латники женам разрезали плечо, «яко отмыкают скрынницу», и вынимали мечом из лопатки у одной — пшеницы меру, у одной — белку, у одной — пчелиный сот... Что это? Что за слова в голове? Должно быть из какой-то летописи. Новгородской или Ипатьевской. Воздух дымится снегом. Жар! За окном ни дороги, ни кладбища. Окна в мелу. Вьюга, вьюга одна на свете, и ничто, и ничто, и ничто. Ай! Монастырская капуста! Монастырскую капусту занесёт. И мамину могилу — занесёт. Мама! Мама уйдет еще глубже в землю, под снег. Сон. Сон — сын — сон — сын — сон — сын — солнце! Солнце стало словно пальцем тыкать во все красное: в красноверхие шапки, в полотнище красного флага, в следы крови по снегу — ниточки и точки. Сон — сын — сон — сын: Шурочка. Тоня, Шурочка, как я соскучился! Жар, жар! Перед запертой на ключ стеклянной дверью — — я — — притягиваю ручку на себя. За дверью бьётся, сын. Сон. Плачет и просится внутрь мой мальчик. Шурочка! А позади него с грохотом и гулом — водопад. Обвал и грохот. Мальчик кричит, разрывается сердце. Открыть! Открыть! Но обливаясь слезами, тяну, не пускаю. Жар!

Это из-за раны. В слезах приношу сына в жертву другой женщине (другой? — какой? какой?). Она с минуты на минуту может войти. Кто она? Кто она? Жар! Это жар. Как же спать хочется. Не спать! Не-спать! На земле у лесной дороги лежат на животах и спинах. Лежат как каменные. А раненых всё везут. Вот несут на носилках — несчастный! Дно гранаты разворотило ему лицо. Превратило в кровавую кашу язык его, зубы. Но не убило. И стон изо рта: поскорей, поскорей, поскорей — поскорее прикончить. *(Вдруг кричит.)* «Что вы, разве можно так? Это хирург сделает, особыми инструментами!». Нет, почудилось. Это жар. Показалось. Показалось, что один из солдат собирается голыми руками тащить из щеки, из лица у него осколок, страшную железную занозу. Да что ж это я? Ведь я же и есть хирург. Я же и есть хирург, военврач, просто временно раненый. Это ж мне извлекать. Боже, Боже, прибери его, не заставляй меня сомневаться в том, что ты есть. Боже! Отринул мя еси от лица Твоего. Отринул. Отринул. ....Только что же это? Это бред или умер? Будто небо всю ширью опустилось к моей постели. Это сон или смерть: это вы??.....

1. Явление Лары

ЛАРА. Очнулся! Молчи, не надо тратить силы. Молчи.

ЖИВАГО. ВЫ. Значит, стало быть, я мёртв. Вы — медсестрою. Здесь? Что же за фокусы разворачивает передо мной напоследок мозг мой. Вы! Да что ж это я? Вы и не знаете меня. А я всё «вы, вы, вы!». Я же для вас просто... так... раненый? А я... Я ведь дважды в жизни видел вас, и никогда не забыл. В первый раз... Знаете ли вы, я вас видел в первый раз? Вы были совершенно та же, что сейчас, и так же ошеломляюще... *(Оборвал себя.)* А во второй, в другой, — знаете ли? Вы знаете ли, как это было? Мело. Мело. Но вы-то меня не видели — ни в первый, ни в тот другой... — а значит, что вам до меня. Но — господи — но как вы здесь?

ЛАРА. Юрочка, миленький, ты ничего не помнишь?

ЖИВАГО. Вы знаете моё имя. А! Вам сказали? А! вы уже подходили ко мне, ухаживали выхаживали, выкармливали, когда я был вне себя? Что за сон! Да, да! Несомненно. «Другая женщина. Кто она?» — это было во сне. Я, должно быть услышал сквозь сон ваш голос. А может... может, вы и впрямь медсестрою?! Может ли, может быть такое, что это не я умер, что это не я умер, а это вы поехали на войну медсестрою, а??? Но тогда...

ЛАРА. Ну, конечно, поехала, Юрочка. Ну, подумай! Припомни! *За* мужем.

ЖИВАГО. *За* мужем. Так, так, это ведь очень может быть. Это ведь, я полагаю, совершенно в вашем характере.

ЛАРА. Только... Ты думаешь, мы сейчас на войне? Мы не на войне...

ЖИВАГО. Не на войне. Я отлично понимаю. Мы в тылу. Фронт сдвинулся. Мы в полевом госпитале. ...Значит, *за* мужем.

ЛАРА. На фронт. Поехала из Юрятина. Когда пришло известие. Что он пропал без

вести. Дочку оставила на время в Москве, в хорошей семье, в знакомой семье. *(Силится аккуратно напомнить ему известное.)*

ЖИВАГО. Дочку?

ЛАРА. Катеньку. Катеньку. А сама — на розыски. За пропавшим без вести мужем. Ну, вспомни... За Пашей.

ЖИВАГО. Понимаю. Понимаю. Значит, муж... Значит, мужа мобилизовали...

ЛАРА. Он пошёл добровольцем.

ЖИВАГО. Добровольцем *от вас*? Простите мне, это дерзость, но только *от вас* добровольцем? Нет! Не могу поверить. Никак.

ЛАРА *(уязвлённая)*. А что же здесь такого? Ты ведь не знал его, так зачем говорить? Он самый тонкий, самый требовательный, безошибочно отличающий... отличавший суть от — видимости. Ни тени рисовки, мужественный характер. Он... он считал жизнь огромным ристалищем, на котором, честно соблюдая правила, люди состязаются в достижении совершенства! — вот что.

ЖИВАГО. Как хорошо... как хорошо вы говорите.

ЛАРА. Да, ушёл добровольцем — что ж тут такого? А ему просто надо было все эти военные лавры к нашим ногам положить, к нашим с Катенькой ногам — вот и всё. Чтоб во всей славе, победителем, не правда ли? Обессмертить, ослепить нас. Как ребенок! Но что я... Что же я говорю. Я не то говорю. Мы женились перед самой войной. Обвенчавшись, уехали из Москвы, от всего, в Юртин. Учителями: он — мужской, я — женской гимназии. И тут — война. Война. Прежде — смерть человека от руки другого была чрезвычайным явлением, не правда ли? Убийства встречались только в трагедиях. В трагедиях, в романах из мира сыщиков, в газетах, но не в обыкновенной жизни. И вдруг этот скачок из безмятежной, невинной размеренности...

ЖИВАГО. Удивительно хорошо. Подумайте: ведь я же никогда не слышал, как вы говорите.

ЛАРА. Скачок в повальное безумие и одичание каждодневного и ежечасного, законенного и восхваляемого смертоубийства...

ЖИВАГО. И как правильно, что вы *говорите о муже*. В этом вся вы.

ЛАРА. И вот он — ушёл. ...Ушёл на войну — от меня. От нас. Химеры, химеры, химеры, его вечные химеры и безумствования. Мальчик! Стал дуться на ход событий, на историю. Пошли размолвки с ней. И вот решил свети со всем этим счёты — не правда ли? О если б я узнала вовремя, о, если б я могла спасти! *(Это всё уже давно не Юре.)*

ЖИВАГО. Я вам тоже о жене расскажу! О жене, о сыне. Это очень всё правильно и

хорошо.

ЛАРА (*опомнившись*). ...Мы с ним люди настолько же разные, Юра, насколько я одинаковая с тобой.

ЖИВАГО. Как же невероятно чисто и сильно вы его любите. Любите, любите его. Я не ревную к нему, я не мешаю вам.

ЛАРА. Да ведь он ведь погиб, Юрочка.

ЖИВАГО. Да, да. Но всё равно. Любите! Сам не понимаю, откуда во мне взялось столько дерзости. Что-то роковое даёт мне силы. Знаете ли вы, при каких обстоятельствах я увидел вас в первый раз?

ЛАРА. Нет, этого ты никогда мне не рассказывал. Я думала, в госпитале...

ЖИВАГО. В госпитале? То есть *сейчас*? Куда там.

2.

КТО-ТО (*елейно фиглярствуя*). Вы войдите к тетеньке, молодые господа. Вы войдите, не сумлевайтесь. А тут в коридорчике нельзя. Тут нынче было несчастье, кокнули дорогую посуду.

ЖИВАГО. Знаете ли? Вы стоите сейчас надо мной, потаенный, запретный ангел, под небом войн и восстаний у конца моей жизни, а когда-то поднялись у ее начала. Так я сказал бы, если б это всё был не сон, не бред. Нет, нет, наоборот: смолчал бы, никогда бы не сказал.

КТО-ТО. Вы войдите, не сумлевайтесь.

ЖИВАГО. Испугался бы, что выйдет фамильярно. На заре моей жизни. Мы были еще детьми, гимназистами. Зверский мороз, косматый, рваный дым костров, куски свихнувшегося пространства.... Это было во время Восстания на Пресне. Девятьсот пятый год.

ЛАРА. Девятьсот пятый год... Да, мальчики стреляли.

ЖИВАГО. Виноват (?).

ЛАРА. «Мальчики стреляют, — думала я в тот год. — Хорошие, честные мальчики. Хорошие, оттого и стреляют». Потом мальчики выросли... Но прости — я тебя по обыкновению перебила.

ЖИВАГО. Отец Тони... — отец девушки, которая стала потом женой моей; я у них с детства жил, осиротевший — отец Тони поехал тогда сопровождать виолончелиста. Ох, это так долго, так путано рассказывать. Виолончелист давал у нас в доме, в доме, где я воспитывался, концерт. Но посреди концерта его спешно вызвали запиской. Травилась в номерах соседка виолончелиста, и отчего-то, даже, может быть, отчасти по

ошибке вызвали его.

ЛАРА. Возможно ли?

ЖИВАГО. ...Ошибка, случайность, виолончелист — лицо эпизодическое, его в сторону, в сторону это лицо. Мы с моим товарищем Мишей, дети, гимназисты, напросились прокатиться по ночной Москве. Косматый, рваный дым костров... А там в номерах...

КТО-ТО. Вы войдите, не сумлевайтесь. А в коридорчике тесно, нельзя. Давеча кокнули дорожную посуду.

ЖИВАГО. «Черт знает что, — пробурчал себе под нос отец Тони, — Я полагал: трагедия, что-нибудь достойное и чисто плотное. А это черт знает что. Грязь, скандальное и абсолютно не для детей». В комнате, в тёмном алькове свесив над тазом голову, лежала на кровати мокрая от воды, слез и пота полуголая дама. Мы тотчас отвели глаза. Но меня успело поразить, как в некоторых вздыбленных позах женщина перестает быть тем, что она есть, и... Ах, простите, в своём бреде я упускаю из виду, что это ваша мама. Ваша мама травилась. Терпкий, вяжущий запах грецкого ореха... травилась йодом. Ваша мама. Может, мне не стоит продолжать?...

ЛАРА. Нет, умоляю, рассказывай.

ЖИВАГО. Наконец кто-то догадался опустить занавеску. Пропадая от неловкости, мы с Мишей стояли в прихожей, во мраке, невидимые; некуда было девать глаза. А из темноты... по ту сторону обеденного стола, покрытого вязаной скатертью, по ту сторону, по ту сторону, по ту сторону — были вы.

Вы. Гимназистка в кофейном платье. Тускнеющий луч, замирающий звук. Он с тех пор растёкся по всему моему существованию. Ключ во все остальное на свете. Лишь в бреде я способен сказать такое. ....А ведь в ту пору у нас (у нас — то есть с моим товарищем Мишей и Тоней, моей будущей женой) был — вообразите — как бы античувственный тройственный союз! Мы начитались «Крейцеровой сонаты» и были помешаны на проповеди целомудрия — вообразите. (Отрочество должно пройти через все неистовства чистоты!)..... *(Попытался спрятаться за полушуткою — не вышло.)* Вы спали, облокотившись на спинку стула. Наш приезд был бессмыслицей, присутствие — неприличием. Вы спали. В этот миг из-за загородки вышел некто, вышел он. Плотный, бритый, осанистый. Над головой несёт лампу. ...Проходит к столу... Он осветил и разбудил. Вас. И я видел вас освещенной, был почти благодарен ему в этот миг.

ЛАРА. Юра!

ЖИВАГО. При виде незнакомца мой товарищ Миша так и впился в него глазами. Миша дергал меня за рукав. Миша дёргает, дёргает — Миша! *(Шикнул.)* Вы — улыбнулись, прищурились, потянулись. Вы и этот человек — вы не сказали друг другу ни слова. Но взаимное понимание ваше так пугающе! Так пугающе волшебное.

ЛАРА. Что ты такое говоришь!

ЖИВАГО. Словно он был кукольным, а вы послушной движениям его руки марионеткой.

ЛАРА. О, это слишком точно.

ЖИВАГО. Словно он — кукольник...

ЛАРА. Слишком точно. Но неужели это вправду было так?

ЖИВАГО. Все обошлось благополучно, тайна не раскрыта, травившаяся жива. Я пожираю обоих глазами. Зрелище порабощения неисповедимо таинственно и беззастенчиво откровенно. Сжимается сердце от этой неиспытанной силы. Я никогда не рассказал бы вам этого, если б не бред. Я в забытьи, я грежу. Не в бреду разве можно сказать, как тенью, тенью вы выступили из тьмы и я, ничего не знавший, понял, понял: ВЫ... Вы ведь заряжены, как электричеством, до предела, всей мыслимой женственностью на свете. Если подойти близко или дотронуться пальцем, искра озарит и либо убьет на месте, либо на всю жизнь наэлектризует тягой и печалью. Я весь внутренне плакал и сверкал. Мне было до смерти жалко себя, мальчика, и еще более жалко вас, девочку. Все мое существо удивлялось и спрашивало: если так больно любить и поглощать электричество, как, вероятно, еще большее быть женщиной, быть электричеством, внушать любовь... И что... И что...

И что теперь Юре делать?

И что теперь Юре делать?

И что теперь Юре делать?

Я никогда б не рассказал бы этого, если б не бред. Это бред. Это бред.

ЛАРА. Ты никогда не рассказывал мне этого.

ЖИВАГО. И что? И что теперь Юре делать?

3. Явление Тони.

ТОНЯ. Юрочка! Я получила твоё письмо, где ты пишешь, что лежишь в полевом госпитале (слава Богу, ранение не опасно). Где ты пишешь, что там, на краю света среди этой страшной войны в третий раз встретил ту самую необыкновенную девушку; женщину. Ту, которую уже дважды встречал и всякий раз при таких баснословных обстоятельствах. Один раз — в номерах в полушаге от чьей-то гибели, а другой — когда она стреляла. И стреляла в того жуткого человека, который погубил и твоего отца. В ночь, когда умерла моя мама. Ты пишешь об этом, ты пишешь о ней будто вскользь, но я знаю тебя — ты сам себя обманываешь. Юра! О, как я знаю и твоё благородство, и твоё совершеннейшее отсутствие воли. Юра! Юра, я решу за тебя. Юра! Муж мой, мой единственно любимый, не возвращайся в Москву.

ЮРА. Безумие! И доказательство тому — то, что в письме рыдания нарушают строй предложений, а точками служат следы от слез. Тоня!

ТОНЯ. Не возвращайся в Москву. Следуй прямо на Урал или куда угодно, за этой

удивительной сестрою, самой судьбой твоею! Сестра-сестре-сестры-сестрой-сестрою, сестрою твоей жизнью. Той, что шествует сквозь бытие в сопровождении таких знамений и стечений обстоятельств, с какими не сравнятся моему скромному жизненному пути.

ЮРА. Тоня! Ты с ума сошла?

ТОНЯ. ...О Шурочке и его будущем не беспокойся. Тебе не придется стыдиться за сына. Обещаю воспитать его в тех правилах, пример которых ты ребенком видел в нашем доме.

ЮРА. С ума сошла. Какие подозрения! Тоня, разве ты не знаешь или знаешь недостаточно, что ты, мысль о тебе и верность тебе и дому спасали меня от смерти и всех видов гибели в течение этих двух лет войны, страшных и уничтожающих?

ЛАРА. Юрочка.

ЖИВАГО. Впрочем, к чему слова. Скоро мы увидимся, начнется прежняя жизнь, все объяснится.

ЛАРА. Я теперь, наконец, до конца поняла.

4.

ЖИВАГО. Но то, что ты, Тоня, ты, моя жена могла понять всё настолько превратно, пугает меня. (*И Ларе.*) То, что Тоня, моя жена, могла понять всё настолько превратно, пугает меня, да. И вот почему: если я невольно подал повод для такого её ответа, может быть, я веду себя с вами и правда двусмысленно. И тогда виноват перед вами и должен буду извиниться.

ЛАРА. Юра! Я всё не могу тебе ясно сказать. Я ведь это поняла: ты, в бреду, в нездоровье ты думаешь, что мы на войне, на мировой войне, на западном фронте, семнадцатый год — не правда ли? Ты думаешь, что мы в фронтовом госпитале, где я выхаживала тебя в первый раз...

ЖИВАГО. Разумеется!

ЛАРА. Но ведь это не так...

ЖИВАГО. Да, конечно... конечно, не так. Разве можете вы быть здесь? Вы, девочка на заре моей жизни? Это бред навеивает мне ваш образ. Жаровой бред. Беспмятство. Полосы сна. Лихорадка. Может, какой-то тиф, не описанный в руководствах. Что ж — тогда, я благодарен ему, что он дал мне видеть вас. Знаете ли вы... Вот я вызвал в вашей памяти, быть может, неосторожно того человека. Того человека. (Вот к кому я ревную безумно, непоправимо. Впрочем, у меня нет прав.) Да, тот человек. Человек. Плотный, бритый, осанистый. Породистое животное. Миша, товарищ мой, дёргал меня за рукав. А знаете ли вы, отчего дёргал? А знаете ли вы, что этот человек — он был виновником смерти моего отца.

ЛАРА. Не может быть! Неужели правда? Так он был и твоим злым гением? Как это роднит нас.

5.

ЖИВАГО. «Мы в книге рока на одной строке». Это из Шекспира. Однажды в дороге, в поезде ещё до гимназии по странному стечению обстоятельств мой товарищ Миша был случайным очевидцем самоубийства моего отца – миллионера-промышленника. Разорившегося миллионера. Собственно, отец ведь нас к тому времени давно оставил, я, маленький, узнал об этом лишь на похоронах матери. «Отбарабанил дождь комьев...». Да, да... Прежде мне обыкновенно говорили, что отец где-нибудь на ярмарке, чаще всего отчего-то на Ирбитской. Маленьким мальчиком я застал еще то время, когда... была мануфактура Живаго, банк Живаго, дома Живаго, способ завязывания галстука булавкой Живаго... Теперь это всё чрезвычайно смешно. Отец бросился на ходу с поезда и разбился. Комаровский — отчего вы покраснели — Комаровский — отчего вы покраснели? — Комаровский, Комаровский...

ЛАРА. От звука «Комаровский» в твоих устах.

ЖИВАГО. Комаровский был его юрисконсульт. Комаровский...

ЛАРА. Ты точно призрака вызываешь.

ЖИВАГО. Комаровский был кукольным, а вы послушной движениям его руки марионеткой. Комаровский спаивал отца, запутал его дела и, доведя его до банкротства, толкнул на путь гибели. Комаровский...

Явление поезда и Комаровского.

КОМАРОВСКИЙ. Алкоголик. Неужели непонятно? Убившийся был алкоголик. Самое типическое следствие белой горячки.

— Кто-то кинулся с поезда.

— Кто-то дёрнул стоп-кран.

ЖИВАГО. А я...

КОМАРОВСКИЙ. Да, бросился на всем ходу вниз головой на насыпь, как бросаются с мостков купальни под воду, когда ныряют. Что же тут нового?

ЛАРА. Ужасно!

КОМАРОВСКИЙ. Довольно толпиться. И что, что убившийся — видимое лицо? Господа, возвращайтесь в вагон. Ей-богу, пока вы тут ротозейничаете, у вас там что-нибудь как пить дать стащат.

ЖИВАГО. А я... А я знаете ли вы, что я...

КОМАРОВСКИЙ. Как пить дать, как пить дать.

ЖИВАГО. А знаете ли, что я ведь видел этот самый поезд? То есть наяву. В этот самый момент. Видел издали.

КТО-ТО. «Подумайте, только шестой час. Отчего я знаю? Так скорый из Сызрани. Скорый из Сызрани. Там на холме. Он тут проходит в пять с минутами».

ЖИВАГО. Я — после смерти мамы — гостил с дядей в имении одного его знакомого.

КТО-ТО. Странно. Остановился. Что-нибудь неладное. Ему нет причины останавливаться.

КОМАРОВСКИЙ. Убившийся видное лицо. И посему с ближайшей станции вызвали понятых для составления протокола. Да-да, для этого самого помощник машиниста и лазил на телефонный столб — вы, мадам, чрезвычайно проникательны. Да разойдитесь же уже!

ЖИВАГО. Породистое животное.

КОМАРОВСКИЙ. Убившийся; убившийся; убившийся. Видное лицо. Дрезина, должно быть, уже в пути. Нечего беспокоиться.

КТО-ТО. Нет причины поезду останавливаться. Скорый из Сызрани... Что-то, видно, случилось. Пойдемте чай пить.

ЖИВАГО. «Пойдёмте чай пить».

ТОНЯ. Ты никогда не рассказывал этого.

ЖИВАГО. А после видел много раз — уже близко — во сне. Пассажиры спрыгивают на полотно, разминаются, рвут цветы, делают легкую пробежку. На реку больно смотреть. Она отливает на солнце, вгибаясь и выгибаясь, как лист железа. У всех такое чувство, будто вся местность возникла только что благодаря остановке. Будто луга, реки и красивого дома с колоннами на другом берегу не было бы на свете, не случись самоубийства. В том-то доме мы как раз и гостили с дядей. Даже и само солнце, тоже казалось пассажирам, пассажирам-из-сна, местной принадлежностью.

КОМАРОВСКИЙ. Самое типическое следствие белой горячки.

ЖИВАГО. Животное! Кукловод! А тело отца... тело отца лежало во сне около насыпи. Струйка запекшейся крови резким знаком чернела поперек лба. Будто перечеркивала это лицо крестом вымарки. Это лицо я совсем не помнил. И кровь, кровь казалась не его кровью, а брызгом присохшей грязи, или мокрым березовым листком. А я...

ЛАРА. Ты никогда не рассказывал этого.

ЖИВАГО. Как странно, как это причудливо всё же, Лариса Фёдоровна, что в этом бреду моём вы говорите мне «ты».

ЛАРА. У тебя жар, Юрочка. Голова твоя плавала всю эту ночь в поту на промокшей от пота подушке. Но тебе уже лучше. Верь мне: скоро тебе станет совсем лучше.

ЖИВАГО. Да, лучше, лучше, лучше. Всю жизнь, мне кажется, всю жизнь, Лариса Фёдоровна, я что-нибудь да делал. И как хорошо перестать действовать, добиваться, думать. Стать вещью, замыслом, произведением в ваших, ваших, ваших милостивых, саму красоту расточающих руках.

ЛАРА. Не надо бы тебе так волноваться.

ЖИВАГО. Собственно... «Лариса Фёдоровна», «Лариса Фёдоровна», «Ла-ра» — как это странно. Ведь я не знал, никогда не знал имени. Имени девочки на заре жизни. *Если подойти близко или дотронуться, искра либо убьёт, либо на всю жизнь наэлектризует тягой и печалью* — вот это знал; а имени — не знал. Однако ж в этой горячке, в этом сне, где вы пригрезились мне так великодушно, вас зовут так. Ла-ра. Но знаете ли вы, как я, — и повторно неузнанный, неувиденный, уже студентом-медиком, студентом-медиком, кончавшим курс — встретил вас во второй раз? ..... когда вы стреляли.

ЛАРА. ...когда
я
стреляла.

7.

ЖИВАГО. Была стужа. Было больно дышать.

ЛАРА (*горько*). Было больно дышать.

ТОНЯ (*восторженно*). Было больно дышать.

ЖИВАГО (*воодушевлённо*). Был сочельник. Воздух искрился инеем.

ЛАРА. Шерстил и лез в рот мех обледенелой горжетки.

ЖИВАГО. Мы с Тоней, моей будущей женой, ехали на ёлку в дом Свентицких.

ЛАРА. С колотящимся сердцем я шла по пустым улицам.

ЖИВАГО. ...На ёлку в дом Свентицких.

ЛАРА. На ёлку в один дом, где, как мне сказали, он гостил. Тем вечером. Он. Комаровский.

ЖИВАГО. Заиндевелые окна домов походили на драгоценные ларцы из дымчатого слоистого топаза.

ЛАРА. Дымились двери харчевен, распивочных...

ЖИВАГО. Теплилась святочная жизнь Москвы.

ЛАРА. Из тумана выныривали обмороженные лица прохожих, красные, как колбаса.

ЖИВАГО. Окна в инее были точно замазаны мелом!

ЛАРА. Как колбаса, не правда ли? Или вот весь в снегу, точно вы-ва-лян-ный в тесте, извозчик. ...Обмороженные лица прохожих, бородатые морды лошадей, собак. С колотящимся сердцем я шла по пустым улицам. В муфте моей холодел револьвер. — Я больше не могу! — В Камергерском остановилась. Я больше не могу, я не выдержу...

ЖИВАГО. В Камергерском?

ЛАРА. ...я подымусь и все расскажу Паше.

ЖИВАГО. В Камергерском?

ЛАРА. В Камергерском.

ЖИВАГО. Мы ехали с Тоней на ёлку к Свентицким.

ЛАРА. В Камергерском жил Паша, влюблённый в меня.

8. *Явление Антипова.*

АНТИПОВ. Лара! Ты!

ЛАРА. Я всё расскажу ему. Юра. Вот ты поминутно повторяешь «кукловод». Понимаешь ли ты, что значит для меня это слово? (*Паше.*) ...Обожди, Пашенька! (*Юре.*) Понимаешь ли? Понимаешь ли, *что*, я собиралась рассказать ему тем вечером? Понимаешь ли, что? Понимаешь, какая я?

ЖИВАГО. Какая? Вы лучше всех людей на свете.

ЛАРА. Можно ли так? Я всерьез, а ты с комплиментами, как в гостинной. Я дрянь, я ничто. Ты спрашиваешь, какая я. Я — надломленная, я с трещиной навсегда. Меня преждевременно, преступно рано сделали женщиной, посвятив в жизнь с наихудшей стороны, в ложном, бульварном толковании.

ЖИВАГО. Но вы не были бы вами, если б вам не на что было жаловаться и не о чем сожалеть.

ЛАРА. Вот именно! Я не была бы я.

ЖИВАГО. Вы лучше всех на свете — повторяю. А я — я не люблю правых. Правых,

не падавших, не оступавшихся. Их добродетель мертва.

ЛАРА. Это так по-книжному!

ЖИВАГО. Красота жизни не открывалась им.

ЛАРА. А я именно об этой красоте. Мне кажется, чтобы ее увидеть, нужна нетронутость воображения, первоначальность восприятия. *(Паше.)* Минуту! *(Юре.)* ...А это как раз у меня отнято.

ЖИВАГО. Но ведь это... это дело прошлого. То есть... Я неточно выражаюсь, виной тому мой бред. Я хочу сказать: горевать обо всём этом *сейчас* не ваша печаль, а людей, которые вас любят. Людей вроде..... ..меня.

АНТИПОВ. Лара!

ЖИВАГО. ...и него.

ЛАРА. Пашенька. Было больно дышать. Лез в рот мех обледенелой горжетки. «Я не выдержу. Я всё расскажу Паше». Я поднялась к нему.

АНТИПОВ. Лара.

ЛАРА. Красный от натуги, он, подперев щеку языком, бился перед зеркалом, стараясь проткнуть запонку в закрахмаленные петли манишки. Мальчик... Ты еще так чист и неискушен. Так растерялся, когда я, войдя без стука, застала с недочетом в костюме... Паша!

ЖИВАГО. Я представляю! Я представляю, как вы, взволнованная, раскрасневшаяся, вошли к нему, шагами расталкивая свое платье, словно переходя его вброд. ...Я *не ревную*.

АНТИПОВ. Что с тобой? Что случилось?

ЛАРА. *(Юре.)* Видишь: он еще так младенчески прост, что не скрывал блаженства меня видеть, словно я была какая-нибудь березовая роща. Словно можно беспрепятственно выражать свой восторг по моему поводу. *(Паше.)* Сядь рядом. Садись такой, как ты есть. Не принаряжайся. Я тороплюсь. Мне надо будет сейчас уйти. Не трогай муфты. *(В муфте моей холодел револьвер.)* Не пугайся; не расспрашивай, но расстанься с мыслью, что мы как все. Не оставайся спокойным. Я всегда в опасности. *(Какие глупости; разве так надо было говорить?)*

АНТИПОВ. Лара! Я прошу тебя: скажи мне проще и яснее, что с тобой, не мучай загадками.

ЛАРА. Я сказала ему, я сказала ему ВСЁ — — — много после. О, как я виновата! А тогда... А тогда... Как я виновата. Было больно дышать, холодел револьвер, мех лез в рот. Тогда — с колотящимся сердцем я шла по пустым улицам.

9.

ЖИВАГО. Тогда — мы с Тоней, моей будущей женой, ехали на ёлку в дом Свентицких. Нам с Тоней к этой ёлке сшили первые в жизни выходные платья. Мне — черную сюртучную пару, а Тоне — вечерний туалет

ТОНЯ. С чуть-чуть открытой шеей!

ЖИВАГО. Заказ из мужской мастерской и от портнихи принесли перед самым выездом. Мама Тони в то время сильно болела. Перед тем как ехать мы, как были, в новых платьях, прошли к ней.

ТОНЯ. «Очень хорошо. Восхитительно. А ну-ка. Нет, ничего. Мне показалось, что мысок немного морщит, — сказала мама. — Да, кстати, — сказала мама, — Егоровна насплетничала, будто бы вы сомневаетесь, ехать ли. — сказала мама. — Сомневаетесь, ехать ли, из-за моего состояния. Чтобы я больше этих глупостей не слышала! Как вам не стыдно. И какой ты, Юра, после этого врач? Итак, решено. Вы едете без разговоров» — сказала мама.

ЖИВАГО. И снова закашлялась. Приступ не проходил. Она все не могла продышаться.

ТОНЯ. Потом, по её просьбе, мы зашли за гардину в глубокую оконную нишу посмотреть и сказать ей, какая погода. Когда мы вышли из ниши, — помнишь? ты помнишь?

ЖИВАГО. Полотнище тюлевой занавеси пристало к необношенной материи. Легкая льнущая ткань несколько шагов проволоклась... как подвенечная фата.

ТОНЯ. Если я умру, — сказала мама, — Если я умру, — сказала мама, — Если я умру... не расставайтесь. Вы созданы друг для друга. Поженитесь. «...Поженитесь!» «Поженитесь!» Вот я и сговорила вас, — сказала мама. Сказала мама и заплакала.

10.

ЖИВАГО. ...Мы с Тоней, моей будущей женой, ехали на ёлку в дом Свентицких. Сани поднимали неестественно громкий шум. Мы с Тоней прожили двенадцать лет бок о бок — конец детства.

ТОНЯ. И целую юность!

ЖИВАГО. Мы знали друг друга до мелочей. У нас были общие привычки...

ТОНЯ. Общие! *(Она выдыхает всё это так, что он не слышит, поглощённый своим рассказом).*

ЖИВАГО. Общие пристрастия.

ТОНЯ. Пристрастия...

ЖИВАГО. Свои общие манеры... Например, манера...

ТОНЯ. ...манера...

ЖИВАГО. Например, манера... Например, манера... Например, манера фыркать.

ТОНЯ. ... «фыркать»???

ЖИВАГО. Мы ехали. Отмалчиваясь, сжав губы. Недавняя сцена у постели больной обоих нас переродила.

ТОНЯ. Переродила Юрочку.

ЖИВАГО. Мы словно прозрели и взглянули друг на друга новыми глазами.

ТОНЯ. *Как же?*

ЖИВАГО. Тоня, Тоня, этот старинный товарищ, эта понятная, не требующая объяснений очевидность...

ТОНЯ. «очевидность»((

ЖИВАГО. ...оказалась...

ТОНЯ. ...чем?

ЖИВАГО. ...самым недостижимым

ТОНЯ. ...не-до-стижимым...

ЖИВАГО. ...недостижимым и сложным из всего, что я мог себе представить. Взяла на себя эту труднейшую и все превосходящую задачу...

ТОНЯ. ...какую?

ЖИВАГО. ...взяла на свои плечи задачу...

ТОНЯ. ...какую?

ЖИВАГО. Оказалась...

ТОНЯ. ...чем?

ЖИВАГО. ...оказалась ...оказалась... оказалась женщиной.

11.

ПАША. Скажи мне проще и яснее, что с тобой, не мучай меня загадками.

ЛАРА. Я сказала ему — я сказала ему много после. А в тот вечер я осыпала его лишь недомолвками, лихорадочными недомолвками и вскорости ушла, сжимая в муфте револьвер.

АНИПОВ. «Я плохая». «Ты не знаешь меня». «Мне трудно говорить, ты видишь, я захлебываюсь от слез», «но брось», «забудь меня», «я тебя не стою...». И так далее, и так далее, и так далее. Немыслимо! «Я плохая». Она говорит: «я плохая». Я не решаюсь постигнуть смысл этих слов. Я... я ревную ее к ее собственным мыслям, к кружке, из которой она пила, к подушке, на которой лежала... А тут: «я плохая». Как же больно дышать!

ЛАРА. Я тебя не стою. Я наотрез отказываюсь от тебя, потому что люблю..... Пойми, привязанность ко мне — это пятнающая, пятнающая, пятнающая тебя привязанность!....

ЖИВАГО. А он?

ЛАРА. Он ответил, что понял.

АНТИПОВ. Понял!

ЛАРА. Понял.

АНТИПОВ: Понял: поженимся сейчас. Не откладывая.

ЛАРА. Поженимся? Ты действительно так хочешь? (Что я говорю? Что я говорю? Ведь я пришла к нему с тем, чтоб порвать, чтобы он отказался — не правда ли?). Значит, поженимся?

ЖИВАГО (*Тоне*). Знаешь, когда мы выходили из оконной ниши, и тюлевая занавесь пристала к необношенному платью... она тянулась за тобой прямо как фата. ...Со стороны это так смотрелась.

ТОНЯ (*неожиданно для себя самой*). А то, что говорила мама про женитьбу?...

ЖИВАГО. Ну, конечно!

ЛАРА. Было больно дышать. ...Значит, как можно скорее?

АНТИПОВ. Как можно скорее! Как же...

ТОНЯ (*счастливо*). ...Как же больно дышать!!

13.

ЛАРА. ...Да. Да. Я сказала ему всё только после. После свадьбы мы проговорили до утра.

АНТИПОВ *(кажется, он не мог бы произнести этих слов; но он говорит их не им; а как на допросе Бога)*. До утра. Мои подозрительные догадки чередовались с самообличительными признаниями Ларисы Фёдоровны. Я спрашивал, и за каждым её ответом падало сердце; словно я летел в пропасть. Израненное воображение не поспевало за новыми открытиями. В моей жизни не было перемены разительнее и внезапнее этой ночи. Утром я встал другим человеком. И почти удивился, и почти удивился, и почти удивился, что меня зовут по-прежнему.
(Уходит. Больше мы Антипова Антиповым, конечно, не увидим. Или так только кажется)

ЛАРА. Постой! Постой... это всё было потом, а тогда...

(Он уходит.)

14.

ЛАРА. Как это малодушно: я сказала только после свадьбы. А сейчас... А тогда... А в тот вечер... В тот сочельник. «Не трогай муфты». «Погоди». «Отвернись на минуту». «Сядь». «Потуши электричество». «Поговорим в полумраке». «Зажги свечу».

ЖИВАГО. Свечу?

ЛАРА *(Ушедшему Паше)*. Свечу.

ЖИВАГО. Свечу? В Камергерском?

ЛАРА *(Ушедшему Паше)*. Зажги свечу. Поставь на подоконник.

ЖИВАГО. На подоконник? В Камергерском? «Мы в книге рока на одной строке». В Камергерском! Пламя захлебнулось стеарином, постреляло во все стороны трескучими звездочками и заострилось стрелкой?

ЛАРА *(пока не понимая причины волнения и прозрения Юры)*. Да. Во льду оконного стекла стал протаивать черный глазок.

ЖИВАГО. Да! Да. Мы с Тоней ехали на ёлку. Сани... — мы в книге рока на одной строке — сани, сани, шум. Заиндевелые окна походили на драгоценные ларцы... ларцы в сторону. Мы проезжали по Камергерскому! Я обратил внимание на черную протаявшую скважину в ледяном наросте одного из окон, одного из окон. Сквозь эту скважину просвечивал огонь свечи. Он проникал на улицу почти с сознательностью взгляда. Точно пламя подсматривало...

ЛАРА. Юрочка...

ЖИВАГО. «Свеча горела на столе. Свеча горела...» — шептал я про себя начало чего-то смутного, в надежде, что продолжение придет само собой. Когда-нибудь, Лариса Фёдоровна, когда-нибудь, Лара, я выплачу в чём-то значительном, остающемся тоску по тебе. «Свеча горела на столе. Свеча горела...» — шептал... Шептал в снях, посреди улицы, покрытой черным льдом. В Камергерском.

ЛАРА. В Камергерском.

ЖИВАГО. В Камергерском. В надежде, что продолжение придет само собой. «Свеча горела на столе. Свеча горела...».
Продолжение не приходило.

15.

БЕЛЫЙ МУЖЧИНА. Вальс!!

ЖИВАГО. Вальс?

БЕЛЫЙ МУЖЧИНА. Ёлка! Бал! Вальс. Вы позволите? (*Приглашает Тоню.*) Как вы великолепно вальсируете, Антонина Александровна. Великолепно вальсируете. А вы слышали нового Пастернака? О, я вам почитаю! Название — «Определение поэзии». Про поэзию!

Это — круто налившийся свист,
Это — щелканье сдавленных льдинок.
Это — ночь, леденящая лист,
Это — двух соловьев поединок.
Это — сладкий заглохший горох,
Это — слезы вселенной в лопатках,
Это — с пультов и с флейт — Figaro
Низвергается градом на грядку.

ЖИВАГО. Первый или второй час ночи. Шум в ушах. Подумать только: Тоня оказалась женщиной. Фата проволоклась... Танцует с кем-то незнакомым, мелькает и, как рыбка, скрывается. Разгорячена. Вот снова промелькнула, мимоходом пожала руку. И её платок остался у меня. Смешанный запах мандариновой кожуры и разгоряченной Тониной ладони. Мандариновой кожуры и, мандариновой кожуры и, мандариновый кожуры, и...

БЕЛЫЙ МУЖЧИНА. ...так-то: слезы вселенной в лопатках. Лопатки, Антонина Александровна, лопатки — это не то, что вы думаете. Это так в народе называют стручки гороха; а слёзы вселенной — соответственно — горошины. Горошины — слёзы вселенной.

Этим звездам к лицу б хохотать,
Ан вселенная — место глухое.

Выстрел.

16.

ЛАРА. Выстрел.

ЖИВАГО. Выстрел! И всё. Толпа из гостиной вкатилась в зал. И тут я во второй раз в жизни увидел вас. Вас тащили, выворачивая руки, точно пойманную воровку. Нет, я в следующую секунду понял, что ошибся: вас держали за руки, чтобы вы не упали; вели

к креслу. И следом — и следом он.

ЛАРА. Невредимый.

ЖИВАГО. У-у, невредимый; саламандра судьбы. «Я врач, я могу оказать помощь!» — хотел было вскричать я... или вскричал. Но в ту же секунду ко мне подошла Тоня. На ней не было лица — за минуту до выстрела ей поднесли записку. Её маме стало хуже. Мы опрометью бросились одеваться. Вернувшись домой, мы уже не застали маму Тони в живых.

17.

ЛАРА. Как это всё удивительно. Значит, ты был незримым свидетелем двух столь роковых моментов моей жизни.

ЖИВАГО. Да, Лариса Фёдоровна. И вот теперь встретил вас в третий раз здесь на фронте, в госпитале.

ЛАРА. Юрочка! Мы не на фронте. Что же это с тобой! С тех пор прошло уже несколько лет. Революция, голод первых лет, твой с семьёй переезд из Москвы на Урал — по стечению обстоятельств в окрестности города, где и я жила с Катенькой. Наша новая встреча... Мы в Юрятине! Ты вернулся ко мне из плена у партизан, где провёл восемнадцать месяцев. Ты шёл много дней пешком. У тебя жар, истощение...

ЖИВАГО. Господи! Лара. Как это всё могло вдруг затуманиться в моей голове. Лара. Конечно, я всё теперь вспомнил! Вспомнил зиму в Москве, когда вернулся с фронта. Как жались на тротуаре старухи и старики с немой укоризной — вспомнил. Безмолвно предлагали на продажу что никто не брал: вечерние платья из черного газа, мундиры упраздненных ведомств... Как нечем было топить, нечего было есть. Как мы с семьёй решились наобум сняться с места и отправиться в те глухие края, про которые с детства рассказывала мама Тони. ...В Черный лес вонзается, словно пырнув его клинком своих изгибов, река... Варыкино. Укрыться, добывать себе на земле пропитание. Как трудился там много месяцев, налаживал жизнь. А потом стал разрешать себе ездить верхом в Юрятин в библиотеку. И как там же в библиотеке и встретил тебя. И как на этот раз мы уже не смогли противиться судьбе. Весна ударяет хмелем в голову неба. Лара! Лара! Как ты хороша! Я вспомнил! Как раз так, как мне всегда думалось и мечталось, как мне было надо! Ты вся как будто одним махом обведена кругом сверху донизу творцом, и в этом божественном очертании сдана на руки моей душе, — как закутывают в простыню выкупанного ребенка. Да, плен у партизан. И моё к тебе возвращение. Пешком вдоль рельсов через зимнюю тайгу. К тебе. Смотрю снизу на окна, а окна замазаны мелом. Настоящим мелом — не инеем. Ёкнуло сердце: а вдруг тебя там больше нет. Но ты есть. Но ты есть. И руки твои... И руки твои... ...И то, как потерял тебя навсегда.

ЛАРА. Потерял?

ЖИВАГО. О, что я наделал? Отдал, отрекся, уступил. Броситься бегом вдогонку, догнать, вернуть...

ЛАРА. Час от часу не легче. Не пугай меня!

ЖИВАГО. Ну, конечно! Как же я мог не учесть? Россия не может достаться ни поэту, ни пламенному, жертвующему собой революционеру...

ЛАРА. Революционеру?

ЖИВАГО. Революционеру, которым стал твой Паша.

ЛАРА. Мой Паша убит на войне.

ЖИВАГО. Да, да, убит, конечно же. Что это со мной. И всё же... И всё же стучит молотком в голову: Россия не может достаться ни поэту, ни революционеру. Вот животному, кукловоду, прожигателю жизни... ненужному ничтожеству, холодному дельцу, чудищу заурядности, саламандре судьбы... — ему да. Как я мог? Потерять навсегда!

ЛАРА. Что ты такое говоришь? Ты меня не терял. Я с тобою.

ЖИВАГО. Не слушай меня. Видно снова щупальца бреда. Скоро должно стать лучше. Верь мне. Я же всегда слыл великолепны диагностом — знаешь?)) Почудилось. Это почудилось, что потерял. Но, потеряв, будто бы смог выплакать тоску по тебе. В чём-то большом, остающемся. Как будто бы даже написал роман обо всём. Роман. Пригрезится же такое. Ведь я я еще с гимназических лет мечтал о прозе, знаешь? О книге, куда бы в виде скрытых взрывчатых гнезд мог вставить самое ошеломляющее... Но для такой книги тогда я был слишком молод. И вот я отделялся писанием стихов, как писал бы живописец всю жизнь этюды к большой задуманной картине... Лара.

ЛАРА. Юрочка. Мы с тобой — как два первых человека Адам и Ева, которым нечем было прикрыться в начале мира, — не правда ли? Мы так же раздеты и бездомны в конце его. Все на свете опрокинуто и разрушено. Осталась одна только сила голой, до нитки обобранной души. Для души ничего не изменилось. Ведь душа во все времена зябла, дрожала и тянулась к любимой, такой же голой и одинокой, ведь так?

ЖИВАГО. Я сказал, что ревную тебя. Я хочу, чтобы ты понимала *как*. Я ревную к предметам, к каплям пота на твоей коже, к носящимся в воздухе заразным болезням, которые могут пристать к тебе и отравить твою кровь. Я в бреду, но мне чудится, будто вся революция, весь опрокинутый мир нужны были для того, чтоб мы с тобой соединились. Я знаю, тебе это должно казаться безумием. Но успокойся: в дни, когда в острог навек я смертью буду взят под стражу, одна живая память этих строк еще переживет мою пропажу. (...Я выплачу, обязательно выплачу всю тоску по тебе в чём-то большом, остающемся.) И ты увидишь, их перечитав, что было лучшею моей частицей. Вернется в землю мой земной состав, мой дух к тебе, как прежде, обратится. И ты поймешь, что только прах исчез, не стоящий нисколько сожаленья, то, что отнять бы мог головорез, добыча ограбленья, жертва тленья.

А ценно было только то одно,

Что и теперь тебе посвящено.

Я не могу сказать это стройнее и понятнее. Я без ума, без памяти, без конца люблю

тебя.

Но, Лара, Лара, Лара, а где же моя семья?

18.

ТОНЯ. Юра! Нас высылают из России за границу — папу и всех. Это — несчастье, в особенности в отсутствие тебя, но надо подчиниться и благодарить Бога за такую мягкую форму в такое страшное время. Если бы ты нашелся и был тут, ты поехал бы с нами. Вероятно, поехал бы с нами... Если бы ты захотел. Но где ты теперь?

Все горе в том, что я люблю тебя, а ты меня не любишь. Я стараюсь найти смысл этого осуждения, истолковать его, оправдать, роюсь, копаюсь в себе, перебираю всю нашу жизнь и все, что я о себе знаю. И не могу вспомнить, что я сделала и чем навлекла на себя это несчастье. Ты как-то превратно, недобрыми глазами смотришь на меня, ты видишь меня искаженно, как в кривом зеркале.

А я люблю тебя. Я люблю все особенное в тебе, все выгодное и невыгодное, все обыкновенные твои стороны в их необыкновенном соединении... облагороженное внутренним содержанием лицо, которое без этого, может быть, казалось бы некрасивым... талант и ум, как бы занявшие место начисто отсутствующей воли. Мне все это дорого, и я не знаю человека лучше тебя.

А нелюбовь... нелюбовь — почти как убийство, я никому не в силах была бы нанести этого удара. Юра! Мы, видимо, едем в Париж. Я попаду в далекие края, куда тебя возили мальчиком. Папа кланяется тебе. Шура вырос, не взял красотой, но стал большим крепким и при упоминании о тебе всегда горько безутешно плачет. Не могу больше. Сердце надрывается от слез. Ну прощай. Дай перекрещу тебя на всю нескончаемую разлуку, испытания, неизвестность, на весь твой долгий-долгий темный путь. Ни в чем не виню, ни одного упрека, сложи жизнь свою так, как тебе хочется, только бы тебе было хорошо.

ЖИВАГО. ....

ТОНЯ. Прощай. Муж мой, отец моего сына, да что же это такое? Ведь мы больше никогда, никогда не увидимся. Торопят. Торопят. Торопят. Я дописываю это письмо в никуда. Суждено ли тебе прочитать его? Юра!

2 акт скрещенья

19.

Белый мужчина перетекает или уже перетёк в Красного солдата. Красный солдат — субъект тёмный, уклончатый; с мимикрирующим стилем речи (иногда даже в границах одного высказывания). Солдатом мы называем его условно.

КРАСНЫЙ СОЛДАТ (донесение). Гр. Живаго Юрий Андреевич 1888 года рождения беспартийный. Врач. Представитель имущего класса. Родители умерли. Воспитывался в семье профессора-агронома, представителя имущего класса. Женат на его дочери, имеет сына. В 1914 году мобилизован, являлся военным хирургом. В 1917 получил ранение. Демобилизован. Вернулся в Москву. Опасаясь голода и, вероятно, арестов,

выехал с семьёй на родину жены — в так называемое Варыкино под городом Юрятиным. Впоследствии в Юрятине, куда ездил якобы в библиотеку, имел связь с гр-кой Антиповой Ларисой Федоровной в девичестве Гишар 1889 года рождения беспартийной, с которой познакомился до этого на фронте. Во время одного из вечерних возвращений от гр-ки Антиповой был подкараулен и взят на лесной дороге представителями красного партизанского отряда как врач. Находился у партизан и исполнял обязанности врача восемнадцать месяцев. Сам называет это пленом. Бежал.

- «Где находится сейчас»? (*К Красному солдату приходят какие-то, например, телеграммы с вопросами.*)

- В Варыкине — заброшенной усадьбе в трёх часах езды от Юрятина. То есть в том самом месте, где до пребывания в партизанском отряде жил с семьёй. Семья — жена, сын и свёкр — в настоящее время выслана в Париж. В Варыкино гр. Живаго и гр-ка Антипова с дочерью выехали из Юрятина тринадцать дней назад, вероятно, опасаясь ареста. И небезосновательно)).

- «Вы можете предоставить более полные и отчётливые сведения о встрече гр. Живаго Юрия Андреевича 1888 года рождения беспартийного с военно-революционным, а иногда и военно-судным деятелем Стрельниковым?»

- Могу ли я? Да с превеликой охотой. Военно-революционный, а иногда и военно-судный деятель Стрельников и вышеозначенный Живаго встречались один раз — на железной дороге, когда вышеозначенный Живаго перемещался из Москвы в Юрятин. Гр. Живаго по причине подозрительного виду был остановлен часовым ночью на узловой станции, где стоял ихний поезд. (Прогуливался, видите ли.) И был конвоирован прямиком на допрос в оказавшийся на той же станции особый бронированный поезд краевого красного военкома товарища Стрельникова.

20. И берёт роль.

КРАСНЫЙ СОЛДАТ. Вот он, вот он, этот самый. Прохаживается, падла, по пландформе взад-вперёд. А заприметил: видит, деваться некуда — так для отводу глаз с расспросами. «Энто какая станция?», «Энто какая река?». Пуля тебе про меж глаз, а не река, пёсий сын. Видно птицу по полету. Я ему: «Кто таков?», а он мне «дохтур, дохтур из Москвы, еду, эвона с семьёй в тутошныя края; вышел, знатца, на станции попроветриться». И документом в морду тычет. Тьфу! «Лыковое кулё твой документ. Дурак я впотьмах бумажки читать, глаза портить. Вишь, туман. Тебя без документа за версту видно, какой ты есть дохтур».

СТРЕЛЬНИКОВ. Понятно.

КРАСНЫЙ СОЛДАТ. Так то-то оно и есть, что понятно — как не понять — шпиён. Порешить и баста — время народное.

СТРЕЛЬНИКОВ. С этим я разберусь, спасибо. Вас попрошу вернуться на свой пост. (*Живаго.*) Извольте присаживаться. Значит, доктор. Могу я любопытствовать? (*В бумагу.*) Живаго, Живаго... что-то московское, что-то купеческое или даже

дворянское. Вы выглядите на удивление спокойно. Вы знаете, кто я?

ЖИВАГО. Ваше имя я слышал многократно в поезде, в котором ехал. Знаменитый красный военком Стрельников.

СТРЕЛЬНИКОВ. Непохоже, что храбрец; и непохоже, что играете в храбреца. Но удивительно спокойно. Отчего?

ЖИВАГО. Если угодно...

СТРЕЛЬНИКОВ. Раз я задал вопрос, значит, мне *угодно*.

ЖИВАГО. Если угодно, меня успокоили ваши люди.

СТРЕЛЬНИКОВ. Вот как? Нехарактерно для них.

ЖИВАГО. Нет, не часовые. Ваши штабные. Пока я ждал вашего появления, один — обвел взглядом все окна вагона одно за другим, и сказал: «Холодно будет сегодня»...

СТРЕЛЬНИКОВ. И...

ЖИВАГО. ...а другой — другой помогал машинистке заправлять зацемившуюся каретку...

СТРЕЛЬНИКОВ. Иии что же?

ЖИВАГО. И это меня немного успокоило. Нельзя же предположить, чтобы люди так беспечно предавались пустякам в присутствии человека обреченного.

Какой-то хохот.

СТРЕЛЬНИКОВ. Вы серьезно?? Нет, что положительно серьезно? Удивительно. То есть вы либо идиот в духе Мышкина, либо... Ну уж и вспыхнули. А вы знаете, что молва дала мне прозвище Расстрельников? Вижу, что знаете. Так что же ещё обо мне в поездах говорят?

ЖИВАГО (*всё же осторожно*). Говорят... Что вы родом из Москвы. Что сын рабочего... Но не смотря на то поступили в университет. И вышли из него с большими познаниями...

СТРЕЛЬНИКОВ. Скажите как подробно.

ЖИВАГО. Что были в армии и были в плену, но бежали, узнав, что в России революция. ...Что с вашим назначением военкомом в крае был положен предел повальному дезертирству, но на вас много и других задач — военных, и стратегических... И...

СТРЕЛЬНИКОВ. «И».

ЖИВАГО. И что вы сваливаетесь внезапно как снег на голову, судите, приговариваете, приводите приговоры в исполнение — быстро, сурово, бестрепетно.

СТРЕЛЬНИКОВ. Всё?

ЖИВАГО. Всё.

СТРЕЛЬНИКОВ. Что ж. Любопытный вы субъект. Так прямиком из Москвы... через Юрятин в Варыкино. В Варыкино — из Москвы. Из Москвы и вдруг в такой медвежий угол.

ЖИВАГО. Именно. В поисках тишины. В глушь, в неизвестность.

СТРЕЛЬНИКОВ. Скажите, какая поэзия. Варыкино. По белым стосковались? Разочарую. Опоздали. Округ очищен.

ЖИВАГО. Я нисколько не стосковалс...

СТРЕЛЬНИКОВ. Военврач. Отчего не на фронте? Основание?

ЖИВАГО. Ранен и освобожден вчистую по негодности.

СТРЕЛЬНИКОВ. А тон-то тон-то ледяной, ишь ты. Нынче, товарищ Живаго, милостивый государь, страшный суд на земле. Существа из апокалипсиса с мечами и крылатые звери, а не во всём умеренные чистенькие и младенческие доктора. Не подходите. Не из того вы жанра. (*Врасплох.*) Что вы думаете о революции? Ну! Это не беседа на паркетах — это допрос. Извольте!

ЖИВАГО. О революции? Великолепная хирургия.

СТРЕЛЬНИКОВ. что?

ЖИВАГО. Хирургия! Взять и — разом — артистически вырезать старые вонючие язвы! Каково? Простой, как выстрел, приговор вековой несправедливости, привыкшей, чтоб ей кланялись, расшаркивались, приседали. Есть в этом что-то-что-то от безоговорочной светоносности Пушкина, от невиливающей верности фактам Толстого.

СТРЕЛЬНИКОВ. Так-так.

ЖИВАГО. Ведь что гениально? Если б кому-нибудь задали задачу создать новый мир, начать новое летосчисление, он бы обязательно нуждался в том, чтобы ему сперва очистили соответствующее место. Он бы ждал, чтобы сначала кончились старые века, да? Нужна неисписанная страница. А тут, нате пожалуйста. Слом всего. Это чудо истории, это откровение ахнуто в первые подвернувшиеся будни, в самый разгар курсирующих по городу трамваев. Столь неуместно и несвоевременно только самое великое.

СТРЕЛЬНИКОВ. Однако.

ЖИВАГО. Война — искусственный перерыв жизни (точно существование можно на время отсрочить — какая бессмыслица!). А революция вырвалась против воли, как слишком долго задержанный вздох. Каждый ожил, у всех превращения, перевороты. Люди решили испытать свободу не в книгах, а на себе, не в отвлечении, а на практике.

СТРЕЛЬНИКОВ. *Я полагаю*, достаточно. Я, полагаю, *достаточно* понял ваш склад. Да и фамилию вспомнил — у вас, кажется, книжка стихов выходила? Но нынче не до стихов. Что ж. Не скажу, что подозрения на ваш счёт после этой пламенной речи рассеялись. В каком-то смысле они укрепились. Такого сорта высокие мечтания — они, знаете ли, по моему опыту частенько выворачиваются изнанкой.

ЖИВАГО. Значит...

СТРЕЛЬНИКОВ. И тем не менее, — вы свободны. Да. Свободны. Но только на этот раз. Я предчувствую, что мы еще встретимся, и тогда разговор будет другой, берегитесь.

ЖИВАГО. Так я могу идти?

Стрельников больше не занят им.

21.

КРАСНЫЙ СОЛДАТ. «Состоял ли на момент этого разговора гр. Живаго Юрий Андреевич в половой связи с гр-кой Антиповой Ларисой Фёдоровной?».

- Нет, они сошлись годом позже в Юрятине.

«Знал ли на момент этого разговора тов. краевой военком товарищ Стрельников, что гр. Живаго Юрий Андреевич был знаком и неоднократно вёл, — хм, — "философские разговоры" с гр-кой Антиповой Ларисой Фёдоровной приблизительно за год до того, будучи раненым, в полевом госпитале?»

- Нет.

«Знал ли на момент этого разговора гр. Живаго Юрий Андреевич 1888 года рождения, беспартийный, что краевой военком тов. Стрельников...» (*сам договаривает.*) ...есть никто иной, как Пашенька Антипов, считавшийся убитым на западном фронте муж гр-ки Антиповой Ларисы Фёдоровны в девичестве Гишар 1889 года рождения, беспартийной?

- Нет! Выкуси.

20. *Явление Лары.*

ЛАРА. Как странно всё же, что вы виделись с ним, и ты мне не рассказывал столько времени.

ЖИВАГО. Я ведь не знал...

ЛАРА. Да-да, конечно, я и сама так долго не знала. Ведь Паша в строжайшей секретности — революционный псевдоним, подставное имя... Но как знаменательно

— не правда ли? Просто какое-то предопределение, что вы должны были встретиться. Однако скажи ещё раз: он произвел на тебя скорее благоприятное, чем невыгодное впечатление?

ЖИВАГО. Да, говорю же. Он должен был бы меня оттолкнуть. Мы проезжали места его расправ и разрушений. Я ждал встретить карателя-солдафона или революционного манаака-душителя и не нашел ни того, ни другого. Он... при взгляде на него сразу становится ясно, что этот человек представляет законченное явление воли. (Как ты и говорила: полная противоположность мне)).

ЛАРА. Ну что ты...

ЖИВАГО. Он до такой степени является тем, чем хотел бы быть... что и все в нем как бы кажется образцовым. Знаешь, я б сказал: присутствие одаренности. Да, присутствие одаренности.

ЛАРА. Как хорошо ты говоришь. Так и правда всегда было и, несомненно, так осталось. И все же одну перемену я отметила, и она встревожила меня. Я ведь видела его один раз в Юрятине издали. Издали — к нему же не подпускают. Эта перемена... как описать? Точно что-то отвлеченное вошло в этот облик и обесцветило его. Живое человеческое лицо стало олицетворением, принципом, изображением идеи. У меня сердце сжалось при этом наблюдении. Я поняла, что это следствие тех сил, в руки которых он себя отдал, сил возвышенных, но мертвящих и безжалостных. Они, я боюсь, и его когда-нибудь не пощадят. ...Но в главном — в главном он всё такой же — я знаю. Пока не обессмертит, не ослепит, не вернётся к нам. Пока не положит все военные лавры к ногам...

ЖИВАГО. А ты хочешь, чтоб он вернулся?

ЛАРА. Ведь он же муж мой, Юрочка; Катенькин папа. Отчасти от того и я никуда отсюда не уеду. Ведь я должна быть наготове где-нибудь поблизости. Здесь решится Пашина судьба. Подумай: это тот же самый голос долга, который гонит тебя к Тоне. Бедные мы. Но для чего же ты спрашиваешь — разве можно? И разве в тот вечер, когда тебя на дороге от меня к твоему дому взяли в плен партизаны, — разве в тот вечер, повинувшись чувству долга, ты не расстался со мной навсегда? Разве не твой восемнадцатимесячный плен и не вынужденный отъезд твоих родных, и не твоя болезнь и слабость, и не остановившие ход заваленные снегом поезда, и не весь опрокинутый мир тебя мне вернули? Не правда ли?

ЖИВАГО. Знаешь, на последнем перед моим побегом становище партизан около лагеря росла одинокая ржавая рыжелистая рябина. (Остальной лес был гол и весь виден насквозь, точно в пустоту растворили ворота). Зимние птицы клевали крупные ягоды; закинув сверху головки и вытянув шейки, с трудом их проглатывали. Какая-то живая близость завелась между птицами и деревом. Точно рябина все долго упрячилась, а потом сдавалась и, сжалившись, уступала, расстегивалась и давала им грудь, как мать младенцу. Что, мол, с вами поделаешь? Ну, ешьте, ешьте меня. Кормитесь. И усмехалась. В ночь, когда я решился на побег... я подошел к ней словно за благословением. Ухватился за ветки, рванул к себе. И словно сознательным

ответным движением рябина осыпала снегом с ног до головы. И я обнимал её и бормотал весь в снегу, сам себя не помня: я увижу тебя, я увижу тебя, я увижу тебя... Вот тебе и ответ.

Не очень-то против такого устоишь.

22.

ЛАРА. ....Будто вся революция, весь мировой перелом совершился для того, чтобы мы, несчастные, оказались вдвоём в этой снежной пустыне. *(Взяла себя в руки.)* ...Но не волнуйся, я тебя лишнего дня не продержу! *(Нет, не взяла.)* ...Господи, какие мы бедные! Что с нами будет? Ведь то, что мы забрались в глушь — разве это спасёт? Разве эти снеговые поля нам защита? Что же нам делать?

ЖИВАГО. Да, будто вся революция, весь мировой перелом...

ЛАРА. А ты... ты говорил о ней, о революции так горячо и восторженно Пашеньке... *(Поправила себя.)* Стрельникову... ты... то есть не подумай только, что я могла бы заподозрить тебя в криводушии, но... ты действительно *так*?

ЖИВАГО. Действительно. Тогда — действительно.

ЛАРА. А теперь?

ЖИВАГО. Знаешь, когда — когда я в был в жару, когда, как блаженный, не искал между вещами связи, все допускал, ничего не помнил, ничему не удивлялся... когда ты выхаживала и выкармливала меня во второй раз в Юрятине после плена у партизан, а мне казалось, казалось, что в *первый* после раны, на фронте... Я всё пытался понять потом, отчего же со мной так сделалось. То есть именно: то есть отчего мой мозг забыл все наши дни, все дни — и захотел возвратить меня в ту пору, в ту минуту, в семнадцатый год. А потом понял. Я оплакиваю это время. Оплакиваю теперь. Тогда революция была с неба на землю сошедшим богом. И *ты* была богом мне, хоть я ни в чем не признался. Вы были как будто едины — не смейся. Восхищение жизнью широкой волной шло не разбирая пути по земле через стены и заборы, через древесину и тело, охватывая трепетом все по дороге. Всё кругом бродило, росло и всходило на волшебных дорожках существования. И эта даль — Россия, — упрямица, мученица, сумасбродка, шалая, с вечно величественными и гибельными выходками, которых никогда нельзя предвидеть... вся Россия... со всей России сорвало крышу, и мы со всем народом очутились под открытым небом. Свобода! И как все растерянно-огромны! Как будто каждый окрылен самим собой, своим открывшимся богатством. Будто сошлись и беседуют звезды и деревья, философствуют ночные цветы, и митингуют каменные здания... Так было тогда. Так *казалось* тогда. Смешно? О как сладко. Как сладко было в том заблуждении. Как тянуло сказать спасибо самой жизни, самому существованию, сказать это им самим в лицо, сказать им: «Вот это и есть ты, Лара».

ЛАРА. Ну, что ты. Будто снова бредишь.

ЖИВАГО. Нет, правда! Не перебивай меня. С ними, стихиями, с ними нельзя

разговаривать, а ты — ты их представительница. Ты их выражение, слух и слово, дарованные безгласным началам существования — для меня. Я так полно ощущал это. Так полно ощущал.

ЛАРА. *Тогда.* Но теперь — нет?

ЖИВАГО (*не чувствуя, что она спрашивает не о «политике»*). Ты спрашиваешь, как *теперь*? В том-то и дело, что всему есть мера. Пора уже прийти к чему-нибудь. Переломали хребты всему — и дальше? Само время научилось оправдать старинное изречение: человек человеку волк. Путник при виде путника сворачивает в сторону, встречный убивает встречного, чтобы не быть убитым. Появились случаи людоедства. Человеческие законы цивилизации кончились. В силе звериные. Человеку снятся доисторические сны. Ну, что ты смотришь так, моя умница? Ты знаешь, это обширная тема, и не следовало бы об этом так вот вскользь, но один и тот же охранный псалмом после боя, осматривая трупы, я находил в ладанках и у мёртвых белых, и у мёртвых красных. ....Но не будем об этом. Когда я притащился в город из плена, заросший, одичалый, когда брел к твоему дому из последних сил, я увидел группку лиц, читавших приклеенные к стене декреты. Я подумал: за незнание этих предписаний ведь можно поплатиться жизнью. И подошёл. «Уличенные в хранении и сокрытии...», «факты злоупотреблений», «спекуляция», «рабочие книжки», «к сведению населения», «расстреливаются на месте», «в продотделе Юрсовета».... У меня закружилась голова. Каких лет были эти выкрики? Времен первого переворота или последующих переворотов? Что за надписи? Прошлогодние? Позапрошлогодние? О каком хлебе речь, когда его давно нет в природе? Какие имущие классы, какие спекулянты, когда они давно уничтожены смыслом предшествующих декретов? Какие крестьяне, какие деревни, когда их больше не существует? Что за забвение своих собственных предназначений и мероприятий! Один раз в жизни я восхищался безоговорочностью этого языка и прямотой этой речи. «Великолепная хирургия». Неужели за это неосторожное восхищение я должен расплачиваться тем, чтобы уж больше никогда не видеть и не читать, ничего кроме этих блажных требований?.. — чем дальше, тем более нежизненных, неудобопонятных, неисполнимых?

ЛАРА. Мне надо пойти посмотреть, как там Катенька.

ЖИВАГО. Катенька воздвигает жилище кукле Нинке. И делает это с большим смыслом. Как будто кукольный дом этот сможет стать более постоянным и благополучным, чем те чужие пристанища, по которым таскают ее. Но куда деваться? Угорелое метание участь всех, это в духе времени. Я вижу: тебе не нравится, что я говорю, но что поделать? Я с тобой честней, чем с самим собой. Но признайся: тебе ведь тоже так же как мне немило все фатально типическое в современном человеке. Его заученная восторженность, крикливая приподнятость и смертная бескрылость... жажда петь с общего голоса, будничная бедность понятий, несмелость воображения, владычество фразы... Я и сам уж почти заговариваюсь. Знаешь, вспомнил смешное: там у партизан жила одна солдатка; Кубариха, скотья лекарка. Она говорила: Вот красное ваше знамя! Ты что думаешь, это флак? — говорит. — Ан вот видишь, совсем оно не флак, а это девки-морюхи манкой малиновый платок. Молодым ребятам платком махать, манить на убой, на смерть. Каково? Не усмехнётся. Ларочка. Дурак я: чем-то огорчил тебя.

ЛАРА. Нет, ты по обыкновению всё верно и умно говоришь.

ЖИВАГО. Но...

ЛАРА. Ты скучаешь по мирной привычной жизни, закатившейся и упраздненной. Ты говоришь «Россия», но разве Россия не была поругана? Разве не был старый мир миром подлости и подлога? И разве не стоял он на том, что всякая жертва закоснелых и уродливых порядков вместо того, чтоб обратить свой гнев на угнетателей, находила удовольствие в глумлении над себе подобными?

ЖИВАГО. Я точно вижу теперь, что чем-то обидел тебя, моя радость, но чем не заметил.

ЛАРА. Разве не выше, не правдивей ты был в те минуты, когда говорил, что революция явилась как вздох. Необходимый вздох!

ЖИВАГО. Так я же и говорю тебе, что и сам тоскую по тем минутам. По минутам слепого ослепления, слепой светоносной веры... Теперь у меня уж не достаёт на них сил. Но как ты вдохновенно говоришь. И как болеешь за каждого. Как словно бы охватываешь опыт целых поколений — так широко...

ЛАРА. Не преукрашивай меня. Не забывай, что для меня это опыт, может быть, более *узкий*; и близкий. Что в моей собственной судьбе и поруганность, и порабощение, и подчинение против воли, и навязанное, как бы выученное, как бы определенное и утвержденное самим устройством мира без-волие нашли самое непосредственное, самое живое....

ЖИВАГО. Тебе, может быть, об этом тягостно...

23.

ЛАРА. Как очумелые, как очумелые, как очумелые, — как очумелые крутились швейные машины под порхающими руками усталых мастериц. (*Лара уходит в воспоминание — чем дальше, тем дальше от Юры.*) После нашего приезда в Москву мама вложила деньги, что остались от отца, *обесценивающиеся* деньги — в швейную мастерскую. Пол был усеян лоскутками. Разговаривали громко, перекрикивали стук. Мама вложила деньги по совету... по *его* совету. Он был бывшим другом отца, а теперь «её опорой». Так говорилось: «моя опора». Он был её любовником. Проходил через всю мастерскую на жилую половину мимоходом пугал полуоголившихся франтих. Мастерицы насмешливо шептали ему вслед: «Пожаловал», «Ейный», «Буйвол», «Бабыя порча». Проходил... точнее — его стремительными рывками тащил за собой бульдог Джек. Комаровский сбивался с шага, шел за собакой, как слепой за поводырем. Джек ревновал его ко мне, словно боялся, как бы хозяин не заразился чем-нибудь человеческим. Мне было немногим больше шестнадцати. Мне давали восемнадцать и больше. Я всё видела и всё понимала. «Ведь для него мама — как это называется... Ведь он — мамин, это самое... не правда ли? Это гадкие слова, не хочу повторять. Так зачем в таком случае он смотрит на меня такими глазами? Ведь я её дочь». (*Перекривливая.*) «Что вы, Лара! Откуда такие мысли? Просто я хочу показать

вам свою квартиру. Тем более что это рядом». Он приглашал маму в какие-то очередные гости — танцы, шампанское. Но маме нездоровилось. «Возьмите Лару. Вы меня всегда предостерегаете: „Амалия, берегите Лару“. Вот теперь и берегите ее». «Ведь для него мама — как это называется... Ведь он — мамин, это самое... Это гадкие слова, не хочу повторять». Какая безумная вещь вальс! Кружишься, кружишься, ни о чем не думая. Пока играет музыка, проходит целая вечность, как жизнь в романах. Но едва перестают играть, ощущение скандала, словно тебя облили холодной водой или застали не одетой. А вольности... вольности позволяешь из хвастовства, чтоб показать всем, какая уже большая. Девятьсот пятый год. Мне было шестнадцать.

ЖИВАГО. Как я ревную к нему! К равному не стал бы (не ревную, не ревную тебя к мужу), а к нему — к низшему, вот к такому, как он, — безумно, непоправимо.

ЛАРА. Что ты? Ведь я не только не люблю его. Я его презираю.

ЖИВАГО. Да-да; но только каким-то уголком своего отвращения ты, может быть, в большем подчинении у него, чем...

ЛАРА (*всё меньше уж помня, что Юра слушает.*) Никогда не могла предположить, что он так хорошо танцует. Какие умные руки. Но целовать себя так она больше никому не позволит. Так шептала у зеркала в уборной. В третьем лице шептала («она») — будто в романе. Никогда не могла предположить, что в чужих губах может сосредоточиться столько бесстыдства, когда их так долго прижимают к твоим.

Ноющая надломленность и ужас!

«Кап-кап-кап» — долбили капли по железу водосточных труб и карнизов.

В номере был невероятных размеров арбуз, и весь этот арбуз казался символом его власти.

Всю дорогу шла, как невменяемая, и только дома поняла, что случилось.

Я теперь — как это называется? — как это называется? — как это называется?

падшая.

Я — женщина из французского романа и завтра пойду в гимназию сидеть за одной партой с этими девочками. Они по сравнению со мной теперь грудные дети. Надломленность и ужас. О, какой заколдованный круг!

ЖИВАГО. «Блажены нищие духом, блажены плачущие; завидна участь растоптанных». (*Возможно, чтоб хоть что-нибудь сказать.*)

ЛАРА. Заколдованный круг. И он продолжал водить под длинную вуалью в отдельные кабинеты, и лакеи провожали взглядами, как будто раздевая.

Он зовёт божеством, возит в театры, не правда ли? Этот красивый, седеющий годящийся в отцы. Которому аплодируют в собраниях, о котором пишут в газетах... Зовёт божеством. Но как ловко, когда ему нужно, вымогая покорность, напоминает мне о моём поругании. Повергает в смятение... то есть точно такое смятение, точно такое смятение, которое-то-и-нужно-сластолюбцу-от-женщины. Однажды приснилось: я под землей, от меня остался только левый бок с плечом и правая ступня. Из левого соска растет пучок травы... Я на всю жизнь его невольница. Услаждаю дрожью неприкрытого позора — снова, снова. Плен, плен, плен; плен чувственного кошмара.

ЖИВАГО. Этим звездам к лицу б хохотать...

ЛАРА. Противоречия ночного помешательства...

ЖИВАГО. ...ан вселенная — место глухое.

ЛАРА. ...ночного помешательства необъяснимы, как чернокнижье. Тут всё навыворот и противно логике: острая боль звенит раскатом серебряного смеха, борьба и отказ означают согласие, и рука мучителя покрывается поцелуями благодарности. Поцелуями благодарности! — заколдованный круг.

...Нет, Юрочка, ты не подумай: я вырвалась! вырвалась, ушла из дома, ушла от него, порвала и жила в гувернантках, поступила на курсы, жила в чистоте... «В чистоте». Да разве же чистота для меня возможна? Разве возможна *когда-нибудь* для меня чистота...

ЖИВАГО. Лара! Ты лучше всех на свете. *(Так ли уж уверенно сейчас?)*

ЛАРА. Была ледяная стужа. Было больно дышать. Шерстил и лез в рот мех обледенелой горжетки. С колотящимся сердцем я шла по пустым улицам. В муфте моей холодел револьвер. Задуманный выстрел уже грянул в душе. Я его слышала всю дорогу. Выстрел в Комаровского, выстрел в себя самое. На ёлке в том доме... — не трогайте муфты! — он сидел за игральным столом. Он глядел в свои карты, держал их вот так щитком перед глазами. И либо действительно не видел меня, либо... Я стояла на пороге. Тут в гостиную из зала вошла девушка. Комаровский. Комаровский. Комаровский. Комаровский посмотрел на неё тем самым взглядом...
.....Выстрел.

24. Явление Комаровского.

КОМАРОВСКИЙ. Лариса Фёдоровна! Ну, можно ли такое говорить? Полноте. *(Удары!!)* «Вот так, вот так, вот так. Ты решил, что все будет по-прежнему – прогулки, подлости, анекдоты? Фланировать по Кузнецкому, шлифовать тротуары? Так вот тебе за это, вот тебе, вот тебе, вот тебе!». *(Ей.)* Вам мало? Это я так был сам не свой. Это я так избивал свою любимую собаку, за то, что... Да за что же? За то, что для меня как будто мир перевернулся после того, как вы... после того как той ночью... вы — гхм — оказали честь... ну... вы поняли.

ЛАРА *(сквозь оцепенение)*. Замолчите.

КОМАРОВСКИЙ. Я, гхм, так сказать, символически, мстил миру за то, что во мне из-за вас всё кубарем, а он, мир, он остался прежним. «Вот тебе, вот тебе, вот тебе!». «Лара»! — закрывал глаза, и твоя голова мысленно появлялась у меня в руках. Ты не знала, что на тебя, спящую, бессонно смотрят часами без отрыва? Ты знала. Красотой своей ты мне ела глаза.

ЛАРА *(сквозь оцепенение)*. Довольно.

КОМАРОВСКИЙ. Гхм... И разве же вы, Лариса Фёдоровна, не видели? Не видели, как

я томился? Я вас умоляю! Не вы у меня были в подчинении, а я у вас. И разве я не предлагал открыться матери и обвенчаться? Вы думаете, что подобное когда-нибудь бывало со мной до или после? «Что за наваждение! — думал я, — Что все это значит?». «Вот тебе, вот тебе, вот тебе!» (*уже себе.*) Ты не мальчик! Ты должен понимать, что с тобой будет, если из средства развлечения эта девочка, этот ребенок, станет предметом твоего помешательства. Опомнись! Быть верным себе, не изменять своим привычкам. А то все полетит прахом. Куда там. Так-то, Лариса Фёдоровна. Так-то. Иначе я б не стоял сейчас здесь.

А та девушка на балу... «посмотрел таким-то там взглядом; она вспыхнула». «Новая жертва». Ну, смешно, ну, смешно, ну, грешно вам, Лариса Фёдоровна! Голос ревности; не более. Голос женской ревности.

ЛАРА. Не смейте!

ЖИВАГО. Разве же может кто-нибудь сравниться с вами? Ну, подумайте! То-то.

25.

ЛАРА. Юра. Юра. Юра. Комаровский приехал.

ЖИВАГО. Как?? Наяву?

ЛАРА. Наяву. Здесь в Варыкино. Здесь. Да вот же вот он пред тобою!

КОМАРОВСКИЙ. Ну, довольно, дети мои.

ЛАРА. Юра. Он говорит, будто он тут проездом, и нарочно приехал спустя все эти годы ради меня, ради тебя и Паши. Он подтверждает, что все мы втроем в смертельной опасности и что только он может спасти нас, если мы его послушаемся. Выслушай, что он скажет, и скорей решай за себя и меня.

ЖИВАГО. Кукловод!

КОМАРОВСКИЙ. Что, простите? А впрочем, неважно... Рад. Очень рад. Будем считать, что мы знакомы. Комаровский, честь имею. Я ведь так хорош был с вашим отцом – вы, наверное, знаете. На моих руках дух испустил.

ЖИВАГО. Да, мне известно, что вы имели отношение к его самоубийству.

КОМАРОВСКИЙ. Гхм. Все вглядываюсь в вас, ищу сходства. Нет, видимо, вы не в батюшку. Широкой природы был человек. Пистолет, порох...

ЖИВАГО. Лариса Федоровна просила выслушать вас, я уступил ее просьбе. По своей охоте я не искал бы знакомства с вами, и не считаю, что мы познакомились. Поэтому ближе к делу. Что вам угодно?

КОМАРОВСКИЙ. Простите за смелость, вы двое страшно друг другу подходите. В высшей степени гармоническая пара.

ЖИВАГО. Прошу не вмешиваться в вещи, которые вас не касаются!

КОМАРОВСКИЙ. Нет, пожалуй что и в отца! Но и правда к делу. Поздравляю вас, дети мои. К сожалению, однако, вы не только по моему выражению, но и на самом деле дети. Я в Юрягине только два дня и узнал больше о вас, чем вы сами подозреваете. Вы ходите по краю пропасти. Если не предотвратить опасности, дни вашей свободы, а скорей всего, и жизни, сочтены. Неужели ж вы думали, укатив на полсотни верст от города, окопавшись в глуши, вы избегнете... Чисто дети! Вот что: есть некоторый коммунистический стиль. Мало кто подходит под эту мерку. Но никто так явно не нарушает этой манеры жить и думать, как вы, Юрий Андреевич. И посему... Ничего удивительного: ваше уничтожение на очереди, ваше имя в списке — я сам видел, можете мне поверить.

ЛАРА. Юра!

КОМАРОВСКИЙ. Впрочем, на это нет времени. Вы мужчина, сумасбродствовать, играть своей жизнью — ваше право. Куда хуже, что тучи нависли над Ларисой Федоровной, над Катенькой.

ЛАРА. Что-то с Пашей?

КОМАРОВСКИЙ (*неопределённо*). м-да... (*Определённо*.) Я вот что хочу объявить вам. Белые генералы сосредоточивают на Дальнем Востоке остатки своих армий. Советская власть сквозь пальцы смотрит на возникновение Дальневосточной республики. Существование такого образования на окраине ей выгодно в качестве буфера между... впрочем, разяснять нет времени. Короче! Я приглашен войти министром юстиции в Дальневосточное правительство. Я могу взять с собой вас и Ларису Фёдоровну с Катенькой и тем самым всех спасти. Служебный поезд стоит под парами на подъездных путях к Юрягину и отправится завтра. С Дальнего Востока вы, если захотите, сможете через Японию свободно отправиться к семье. Или же остаться с Ларисой Фёдоровной. Я могу способствовать, чтобы военкома Стрельникова, который *действительно* впал в немилость и *действительно* находится в опасности, обменяли на какого-нибудь пленника, представляющего ценность... впрочем, это всё детали, это всё будет решаться на месте; главное выехать. Времени нет. Ах, да. Для полноты картины мне ещё должно вернуть здесь пошлый пассаж во вкусе Достоевского о том, что всё, что я делаю и намерен сделать, совершенно бескорыстно и без заднего дна. Из доброго отношения к вам и к вам, дети мои, и, так сказать, во искупление своих былых... гхм... Так вот: это и вправду так. В доказательство можете вспомнить, некий эпизод с неким выстрелом — покушение на убийство как-никак. Это ведь я замял дело, — так, что Ларису Фёдоровну даже не выгнали с курсов, не говоря о тюрьме... (Это мне просто к слову припомнилось). Итак, уверяю вас в полном бескорыстии. Полагаю, с это улажено и к данному щекотливому пункту мы возвращаться более не станем. Я приехал в Варыкино с кучером на широких санях — все уместится. Итак. Юрий Андрееч, ваш ответ.

ЖИВАГО. Благодарю вас за внимание к моей судьбе, но неужели вы думаете, что я дам вам её устраивать?

ЛАРА. Юра! (*Заговором.*) Юра, Юрочка, твое отвращение к нему, двойное даже отвращение к нему естественно. Но прошу тебя....

КОМАРОВСКИЙ. Хкм...

ЖИВАГО. Что же касается Ларисы Фёдоровны, то я никогда никого не неволил...

ЛАРА. Ты прекрасно знаешь, что без тебя я не поеду.

КОМАРОВСКИЙ. *ТАК!*

Юрий Андреевич, могу я попросить вас пару слов наедине?

ЖИВАГО. Если угодно.

26.

КОМАРОВСКИЙ. Стрельников схвачен, приговорен к высшей мере, приговор приведен в исполнение.

ЖИВАГО. Какой ужас. Не говорите Ларе.

КОМАРОВСКИЙ. Шутите? Для этого я и отозвал вас. После этого расстрела они, его жена и его дочь, фактически обречены. Помогите мне спасти их. Вы наотрез отказываетесь сопутствовать нам?

ЖИВАГО. Я ведь сказал вам.

КОМАРОВСКИЙ. Тогда от вас требуется другая помощь. Притворитесь. Изобразите на словах, обманно, готовность уступить. Надо добиться, чтобы она поверила, что вы смягчились. Скажите, что запрёте здесь всё, уберёте, и на своей лошади — не бросать же лошадь; а уже вечер, а она распряжена — скажите, что догоните нас завтра. Тут вы должны быть способны дать ей ложную клятву. Это во имя её спасения. Сделаете?

27.

КРАСНЫЙ СОЛДАТ. Помнишь, в последний месяц жизни у партизан в лагерь пришли беженки? Женщины из разграбленных окрестных деревень. Пешком с узлами, мешками, с детьми на себе. Помнишь, был человек Памфил? Помнишь, жена Памфила была среди тех женщин? Помнишь, у сынишки его и двух дочерей волосы выгоревшие, льняные; и белые строгие брови на черных загорелых лицах? Памфил любил их, помнишь, до беспамятства. Резал, помнишь, им уголком острого, как бритва, топора игрушки из дерева: зайцев, медведей. Помнишь, шли бои у западных границ тайги? Звук отдаленного сражения почти не достигал гущи леса; но вдруг лагерь наполнился, точно улей, людским гулом. Помнишь, толпа окружала лежавший на земле окровавленный человеческий обрубок? Изувеченный еще дышал. Помнишь, отрублены были правая рука и левая нога, помнишь? Отрубленные рука и нога кровавыми комками были привязаны к его спине с длинной надписью на дощечке. Между ругательствами было сказано, — помнишь? — что это в отплату за зверства такого-то и такого-то (не нашего) отряда. И говорилось, что так будет со всеми — а? Помнишь, как изувеченный кричал? «Живого места во мне не оставили, кровопийцы,

собаки. Кровью, говорят, своей будешь умываться. Вы тут в лесу ничего не знаете. В городу стон. Из живых людей железо варят. Из живых режут ремни. Втащут за шиворот незнамо куда – клетка. В клетке человек больше сорока. И то и знай отпирают клетку, и лапищей — первого попавшего. Все равно как курей резать. Кого вешать, кого под шомпола. А с детишками, а по женскому делу, о господи!». Помнишь, как стоявший в толпе Памфил почернел?

Он зарубил жену и трех детей тем самым топором, которым резал им из дерева игрушки.

Он уже видел их отданными на медленную пытку, видел их мукою искаженные лица, слышал их стоны и зовы на помощь.

Чтобы избавить их от будущих страданий, он и...

Острый топор; острый топор; острый топор — как бритва.

Помнишь, как ты в ту же ночь обнимал рябину и плакал? «Я увижу тебя, я увижу тебя, я увижу тебя».

Помнишь, как ты в ту же ночь, не в силах дольше терпеть эту кровь, бежал? Помнишь? Ты помнишь, ты помнишь? Ты помнишь! Не правда ли?

ЖИВАГО. Не правда ли? Нужно спасти её, Лару, — не правда ли? А как иначе я смогу её спасти? Отказаться. Не правда ли? Не правда ли? Не правда ли? Неужто же отказаться. Неужто же потерять. Потерять. Не правда ли? «Не правда ли?» — любимое выражение Лары.

28.

КОМАРОВСКИЙ. Что? Простите, не расслышал.

ЛАРА. Какое же счастье, Юрочка! Какое же счастье, что ты, наконец, смягчился. Всё теперь сложится как нельзя лучше, — не правда ли? Мы теперь все будем спасены. Отправимся в верное место под защиту к людям поумнее нас. Попрактичнее. Не правда ли? Ну, отчего ты так невесел? Ну, прости меня, прости, что тебе пришлось ради меня поступиться, принять помощь от этого человека, но... Ты же всё понимаешь: мы в разном с тобой положении. Окрыленность дана тебе, чтобы на крыльях улетать за облака, а мне, женщине, чтобы прижиматься к земле и прикрывать птенца от опасности. Но жизни-то наши с тобой ведь немислимы порознь? Разве меж нас можно провести границы?

ЖИВАГО. Ты моя умница. Завтра я вас догоню.

ЛАРА. Правда? Не правда ли: завтра мы будем вместе? И впервые не под нависшим над нами мечом.

ЖИВАГО. Клянусь тебе. Клянусь тебе. Ты же помнишь: я выдающийся диагност)). Ставлю диагноз: мы будем вместе очень скоро.

ЛАРА. Да, да, это ведь единственное условие, при котором я еду — не правда ли? Непременное условие. Ну, до скорого, мой любимый.

29.

ЖИВАГО. Никогда не было мне позволено попрощаться так, как должно прощаться

при расставании на всю жизнь. Никогда. Ни с Тоней, ни с сыном, который рвется в дверь, а за ним разверзается водопад. Ни с радостью — вечной, бездонной, неисчерпаемой. С бедной моей радостью. Хотя... не есть ли всё это — прощание. Всё это — и есть прощание. Всё это. Не правда ли.... «Не правда ли?».

Что я наделал? Отдал, отрекся, уступил. Броситься бегом вдогонку, догнать, вернуть... Прощай. Если успеют, если солнце не сядет раньше (в темноте не увидеть) сани промелькнут еще раз, и теперь уж в последний, по ту сторону оврага. Как же жадно всасывает снег ананасную сладость, которой его заливает солнце. Только б успели. Только б не село. Солнце!

ЛАРА. ....Вот ты всё говорил «кукловод» — и вот.

ЖИВАГО. Успели. Показались, понеслись, промчались. Промчалась. Увидел. Прощай. Больше никогда, никогда, никогда в жизни, больше никогда.

Но я выплачу.

Я выплачу всю тоску. В виде скрытых взрывчатых гнезд вставлю в прозу, вставлю в прозу самое ошеломляющее, самое ошеломляющее из того, что успел увидеть я в жизни — тебя.

30.

Не спрашивайте как. Тоня в Париже, которого, конечно, нет и быть не может, с ужасом читает рецензию на эту прозу.

ТОНЯ. Из советских газет. «Началами социалистического коллективизма проникнута вся жизнь советского общества. Давно на деле опровергнута лживая буржуазная легенда, будто социализм враждебен личности, будто он стирает и обезличивает индивидуальности и тормозит творческое развитие оригинальных людей и характеров. Напротив, именно при социализме... *так так так (Листает.) Какой же всё же варварский стиль.* ...Но есть еще, попадаются отдельные экземпляры вымершей породы буржуазных индивидуалистов, мелких собственников и мещан, пронесших в своей душе... *Ох. Ох.* ...Некогда он был не лишенный таланта поэт. Но идейная путаница выражалась в бесформенности... *В бесформенности? Это они про его стихи?? Его стихи??* ...Все это были пустые слова для самовлюбленного Нарцисса. ... Он считал, что все неправы, прав только он в своем литературном закоулке... Ему казалась, что нет ничего на свете более важного и значительного, чем переживания интеллигента, выброшенного из жизни, вернее, выбросившегося... Мелкотравчатый снобизм, пародирующий старые пародии... *Боже.* Злоба, переполнившая душу лишнего человека, искала выхода и нашла его. Он написал большой роман. *Я знала, что ты сможешь.* Это злобный пасквиль на социалистическую революцию; на советский народ; на советскую интеллигенцию. Озлобленный обыватель дал волю своему мстительному раздражению. Герой романа (он же полный портрет автора) мещанин с мелкими чувствами и дрянными помыслами, моральный урод, отупевший от злобы. *Как это вообще возможно. В печати!* Он недополучил каких-то пайков — *пайков???* — и не мог простить этого советскому народу. В рабочем классе он видит чернь в зверском обличье. *Да как же они...* Этот роман — политический пасквиль, а пасквиль — это не художественная литература. Реакционная публицистика низкого пошиба. Автор и прежде кокетничал своей лирической «утонченностью», а тут проявил примитивную вульгарность. Роман крайне слаб в художественном отношении,

если не сказать прямо: бездарен. А автор? В нашей социалистической стране, охваченной пафосом строительства светлого коммунистического общества, он — сорняк»*. *Сорняк... Для них ОН — Сорняк. Вот как.*

* из статьи «Шумиха реакционной пропаганды вокруг литературного сорняка» Д. Заславского в «Правде» о Пастернаке и «Докторе Живаго».

3 акт скрещенья

31.

ЖИВАГО. «Автор и прежде кокетничал своей лирической «утонченностью», а тут проявил примитивную вульгарность. Роман крайне слаб в художественном отношении, если не сказать прямо: бездарен. А автор? В нашей социалистической стране, охваченной пафосом строительства светлого коммунистического общества, он — сорняк». Что ж. Что ж. И это в своём роде великолепная хирургия.

32. *Красного солдата теперь будем называть Некто в штатском — новые времена.*

НЕКТО В ШТАТСКОМ. Гр. Живаго Юрий Андреевич 1888 года рождения беспартийный умер в Москве в переполненном трамвае от сердечной недостаточности, которую сам у себя задолго до того диагностировал. В Москву он шёл пешком много месяцев, и окончательно подорвал здоровье. Или! Или он умер ещё в партизанском отряде в одном из боев. Или застрелен часовым при попытке бежать. Или! Или в 1917 году на фронте от ранения, в полевом госпитале. Или! Или позднее в 1918 году в Москве, от тифа, которым заразился от пациента. Или! Или от истощения после побега из партизанского плена в Юртыне в доме гр-ки Антиповой Ларисы Фёдоровны в девичестве Гишар 1889 года рождения беспартийной. Или! После её отъезда во Владивосток в Варыкине, где он остался, чтобы по его собственному выражению «выплакать тоску по ней». «Пока тебя помнят вгибы локтей моих, пока еще ты на руках и губах моих, я побуду с тобой. Я выплачу слезы. Я запишу память о тебе в нежном, нежном, щемяще печальном изображении. Вот как я изображу тебя. Я положу черты твои на бумагу, как после страшной бури, взрывающей море до основания, ложатся на песок следы сильнейшей из волн. Так прибило тебя бурей жизни ко мне, гордость моя. Так я изображу тебя». Гм. Или... или он умер столько-то лет спустя, когда его роман, содержащий повествование о всех вышеозначенных событиях, опубликовали за пределами родины. И на родине его возненавидели *так*, что жить стало невозможно. А может, и не было никакого романа. А может, то была тетрадь стихов, «Тетрадь Юрия Живаго». А может, и тетради стихов никакой не было. Но, так или иначе, гражданка Антипова Лариса Фёдоровна в девичестве Гишар 1889 года рождения, беспартийная, если только она была когда-нибудь на свете, в день его похорон по воле автора случайно поднялась в ту самую комнату в Камергерском переулке, где, повинувшись скрещеньям судьбы, в один рождественский вечер на столе горела свеча, а теперь стоял гроб с телом Живаго Юрия Андреевича 1888 года рождения беспартийным.

33. Лара входит к нему и видит Тоню. И понимает, что надо ждать. И ждёт.

ТОНЯ. Я люблю тебя. Если бы ты только мог себе представить! Люблю все особенное в тебе и все обыкновенные твои стороны в их необыкновенном соединении... Я не знаю... не знала... не знаю — человека лучше тебя. Ты не любишь меня, не любил, но это ничего. Ведь это же ничего. Ведь была же я друг тебе и были же у нас минуты. Помнишь?... Помнишь, как мы ехали в Юртин, — бесконечный, бесконечный, бесконечный путь. Помнишь, как уже на Урале был снежный занос, и нас, пассажиров, вытряхнули разгрести сугробы — аж на трое суток. Помнишь, как было тогда хорошо? Как мы работали лопатами... физический труд. И как напомнило это нам дни далекого детства, когда мы с тобой кроили на дворе из такого же точно снега пирамиды и кубы, сливочные торты, крепости и пещерные города...

А помнишь, как ты заразился от пациента тифом, и я тебя выхаживала? Был бред, и как ты потом рассказывал, что тебе грезилось, будто на твой письменный стол я поставила две Садовые: слева Садовую-Каретную, а справа Садовую-Триумфальную...

А помнишь, когда я родила? Родила тебе сына. И ты, — пользуясь тем, что тебя, как врача, пропустили, — заглянул из-за двери. Помнишь, как ты после мне рассказывал, что тебе от волнения показалось: я лежу высоко-высоко. Примерно на уровне конторок, за которыми пишут стоя. И поднятая к потолку выше, чем это бывает с обыкновенными смертными... — как ты хорошо говорил про то, как ты хорошо это увидел... — что, поднятая, я «тонула в парах выстрадавшего, как бы дымилась от изнеможения». Ты говорил: «возвышалась посреди палаты, как высилась бы среди бухты только что причаленная барка. Барка, что совершает переходы через море смерти к материку жизни! Эта барка только что произвела высадку одной души и теперь лежала на якоре, отдыхая всей пустотой своих облегченных боков». Про такое естественное, житейское, простое говорил так, как будто поэму писал. «Отдыхали натруженные снасти, отдыхала обшивка, отдыхала и угасающая память о том, где она недавно была, что переплыла и как причалила». И вот теперь ты на другом берегу. Юрочка... А помнишь... Помнишь, как занавеска прилепилась к платью, словно фата? К платью с чуть-чуть открытой шеей. И как мы ехали потом на ёлку и молчали. А я чувствовала, всем нутром своим чувствовала, что ты, наконец, переродился. Что ты, наконец, увидел во мне... неужели? Как счастлива, Юрочка, как счастлива я была в ту ночь! Может быть, как никогда больше в жизни... Мы ехали, ты смотрел на ночную Москву, а я знала, что ты думаешь обо мне. И ты прошептал одними губами, видно, полагая, что я в темноте не увижу «Свеча горела на столе, свеча...». Я знала, ты думаешь обо мне. Я так была счастлива. Юрочка.

34. Тоня уступает место Ларе.

ЛАРА. Вот и снова мы вместе — ты и правда выдающийся диагност. О, если б ты не обманул меня тогда, не отрезал. Но что уж теперь. Мы с тобой — как два первых человека, помнишь? Адам и Ева, которым нечем было прикрыться в начале мира. Мы раздеты и бездомны в конце его. Знаешь ли ты, какое немыслимое, судьбоносное стечение обстоятельств, что я здесь? Я ведь только сегодня, с незапамятных пор в первый раз приехала в Москву. Я ведь не знала, где ты; и что тебя больше нет не знала. Сдала вещи в камеру хранения, иду по старой Москве, половины не узнаю — забыла. Иду и иду, спускаюсь по Кузнецкому, поднимаюсь по переулку, и вдруг что-то до

ужаса, до крайности знакомое – Камергерский. Да ведь здесь Паша студентом комнату снимал, именно вот эту комнату. Дай, думаю, наведаюсь. Я была как громом сражена, дверь с улицы настезь, в комнате люди, гроб, в гробу покойник. Какой покойник? Вхожу, подхожу, я думала – с ума сошла, грежу... Да, может быть, так оно и есть, сумасшедшая. Но Юрочка, любимый, как же ты мог оказаться здесь? Как ты мог нанять эту комнату? Комнату, где тебя после смерти положили на стол... (один поэт говорил: вас положат на обеденный, меня на письменный, или как-то так). Как ты мог знать? Ведь на Рождестве, тогда, тогда, перед выстрелом в это страшилище пошлости был разговор в темноте с Пашей, мальчиком, при свече в этой комнате. Какие скрещенья — подумай. Но я всё не о том. Как ты обманул меня! Разве я поехала бы без тебя? О, я знаю, я знаю, ты это сделал через силу, ради моего воображаемого блага. И тогда все пошло прахом. Лучше бы ты меня топором зарубил. Господи, что я испила там, что вынесла. Но ведь ты ничего не знаешь. О, что я наделала, Юра, что я наделала! Я такая преступница, ты понятия не имеешь! Но я не виновата. Я тогда три месяца пролежала в больнице, из них один без сознания. С тех пор не житье мне, Юра. Я ведь всё не говорю, не открываю главного. Назвать это я не могу, не в силах. Знаешь ли, Юра, что у тебя есть дочь? У тебя есть дочь. Только где она, бедная... Но я разыщу! Я все годы ищу — если б ты знал! Ни архивов, ни переписи. Но я поклялась и я разыщу. Я и сейчас в Москву приехала за этим. О если б ты тогда не обманул меня.

35.

НЕКТО В ШТАТСКОМ (*тоном номенклатурного экскурсовода*). В хрестоматийном стихотворении Юрия Живаго «Зимняя ночь», известном всем по строчке «свеча горела на столе, свеча горела», присутствует образ падающих башмачков. В русской литературе имеется ещё один падающий, точнее брошенный, башмачок. Его, сняв с ноги, бросают — и тоже перед зимним церковным праздником — девушки в балладе Жуковского «Светлана». Характерно, что далее во сне героиня баллады, нацеленная на венчание, входит ночью в храм, а там *на столе* стоит гроб. И в гробу лежит жених. Так-то. Он и правда был, видимо, неплохой диагност.

ЛАРА. Что?

НЕКТО В ШТАТСКОМ. Пора, говорю, Лариса Фёдоровна. Скоро повезут в крематорий.

ЛАРА. А отпевания не будет?

НЕКТО В ШТАТСКОМ. Что вы. Не те времена.

ЛАРА (*не ему, конечно*). Никого не осталось. Ты, Юрочка, умер, Пашеньку расстреляли. И только жив тот, кого следовало убить, в кого я промахнулась. Это чужое, ненужное ничтожество, превратившее мою жизнь в цепь мне самой неведомых преступлений. И это чудище заурядности мотается и мечется по мифическим закоулкам Азии, известным одним собирателям почтовых марок, а никого из близких и нужных не осталось....

НЕКТО В ШТАТСКОМ. Прошу меня простить...

ЛАРА. ...что?

НЕКТО В ШТАТСКОМ. Прошу меня простить, может быть, я ослышался, мне показалось, будто вы сказали «расстреляли».

ЛАРА. Да, сказала. А что...? Кто вы?

НЕКТО В ШТАТСКОМ. Разве вы не знаете, что он застрелился?

ЛАРА. Что? Это вздор. Павел Павлович никогда не был самоубийцей.

НЕКТО В ШТАТСКОМ. Гр. Павел Павлович Антипов 1891 года рождения, известный так же под революционным псевдонимом Стрельников, застрелился на садовой дорожке в Варыкино, из которого вы, Лариса Фёдоровна, направились с дочерью в Юрятин для дальнейшего проследывания во Владивосток. Это случилось вскоре после вашего отъезда. Антипов пришёл в Варыкино, чтобы попрощаться с вами, но не успел. С новопреставившимся гр. Живаго Юрием Андреевичем у них перед выстрелом был долгий разговор.

36.

ПАША. Мне слишком поздно сообщили, будто Лара тут. Опоздал. Опоздал. Когда из сплетен и донесений я узнал о вашей близости с ней и мне в первый раз назвали имя «доктор Живаго», я из тысячи промелькнувших передо мною за эти годы лиц непостижимейшим образом вспомнил как-то раз приведенного ко мне на допрос доктора с такой фамилией.

ЮРА. И вы пожалели, что не расстреляли его?

ПАША. Я так и знал: вы ещё можете шутить. А я... а я любил её с детства. Ещё гимназисткой. Девочка, ребёнок, а тревогу века уже можно было прочесть в ее глазах. Все темы времени, все его слезы и обиды, вся его накопленная месть и гордость были написаны на ее лице, в ее осанке, в смеси ее девической стыдливости и смелости. Обвинение веку можно было вынести от ее имени, ее устами. Предназначение, отмеченность...

ЮРА. Вы замечательно о ней говорите. Я ее видел и помню в то же время, именно такой, как вы ее описали. Вы всё поразительно выразили.

ПАША. Видели и помните? А что вы для неё сделали?

ЮРА. Это совсем другой вопрос.

ПАША. Вот! А я? Ради этой девочки я пошел в университет, ради нее сделался учителем и поехал служить в этот, тогда еще неведомый мне Юрятин. Я поглотил кучу книг и приобрел уйму знаний, чтобы быть полезным ей и оказаться под рукой, если бы ей потребовалась моя помощь. Я пошел на войну, чтобы после трех лет брака снова завоевать ее. А потом, после войны, после бегства из плена, воспользовался тем, что меня считали убитым и под чужим, вымышленным именем весь ушел в революцию.

ЮРА. Никогда Россия не будет принадлежать ни поэту, ни пламенному, жертвующему собой революционеру... *(будто из памяти выплыло.)*

ПАША. Виноват?

ЮРА. Ничего-ничего.

ПАША. Скольких сил стоило мне подавлять желание броситься к ним, увидеть их — Лару и Катеньку. Но я хотел сначала довести дело своей жизни до конца. Отплатить! отомстить за все, что она выстрадала. Чтобы отмыть начисто эти воспоминания, чтобы возврата к прошлому больше не было, чтобы не было... Вам этого не понять. Вы росли по-другому. Не знали мира городских окраин, железнодорожных путей и рабочих казарм. Грязь, теснота, нищета, поругание труженика, поругание женщины. И олимпийство тунеядцев, замечательных только тем, что они ничем себя не утрудили, ничего не искали, ничего миру не дали и не оставили! Вот это всё и надо было смыть. Мы жизнь приняли как военный поход, мы камни ворочали ради тех, кого любили.

37.

ЮРА. Я знаю, как она была дорога вам. Но простите, имеете ли вы представление, как она любила вас?

ПАША. Виноват. Что вы сказали?

ЮРА. Я говорю, представляете ли вы себе, до какой степени вы были ей дороги, дороже всех на свете?

ПАША. Откуда вы это взяли?

ЮРА. Она сама мне это говорила.

ПАША. Она? Вам?

ЮРА. Да.

ПАША. Простите. Я понимаю, это просьба неисполнимая, но... если это в ваших силах, восстановите, пожалуйста, по возможности точно, что именно...

ЮРА. Охотно. Она назвала вас образцом человека, равного которому не видела, единственным по высоте неподдельности. И сказала, что, если бы на конце земли еще раз замаячило видение дома, который она когда-то с вами делила, она ползком, на коленях, протащилась бы к его порогу откуда угодно, хоть с края света.

ПАША. ....Виноват. Если это не посягательство на что-то для вас неприкосновенное, припомните, когда, при каких обстоятельствах она это сказала?

ЮРА. Она убирала эту комнату. А потом вышла на воздух вытряхнуть ковер.

тебе приоткрыли левое плечо. Поворотом меча тебе вскрыли лопатку. В глубине открывшейся душевной полости показываются хранимые твоей душою тайны. Чужие посещенные города, чужие улицы, чужие дома, чужие просторы... Шли и шли и пели «Вечную память». Нет, я хочу быть не здесь. Дни далекого детства, я крою на дворе из искристого снега пирамиды и кубы... Не то. Заиндевелые окна домов как ларцы из топаза, и в одном через скважину светит огонь свечи. Дальше-дальше. На земле у лесной дороги, раскинув ноги в тяжелых сапогах, лежат на животах и спинах. Лежат как каменные. Нет. Дальше. Зима в Москве, когда вернулся с фронта, перестройка мира — дальше. В чёрный лес клинком вонзается река. Дальше, дальше. Ещё чуть-чуть. Ещё чуть-чуть, и тебя, наконец, сдадут на руки моей душе, как закутывают в простыню выкупанного ребенка. Ещё немного и я поднимусь к тебе — вверх, вверх по чугунной лестнице. Как часто в лесном плену я до последнего завитка вспоминал решетчатый узор литых ступеней. Но ещё немного... Вот он! Вот этот день. Мы в Варыкино. Одичалая глушь, зима, ни запасов, ни сил, ни надежд – безумие из безумий. Мы одни на всём свете. Будто вся революция, весь опрокинутый мир нужны были лишь для того, чтоб нам соединиться. Искусство неотступно размышляет о смерти и неотступно творит этим жизнь. Творит этим жизнь. Ты уснула. На белоснежной подушке твоя голова. Вот здесь. Я останусь вот здесь. *Этот* миг. Чистота белья, чистота комнат, чистота очертаний сливаются с чистотою ночи, снега, звезд. Господи! И все это мне! За что мне так много? Как подпустил ты меня к себе, как дал забрести на эту бесценную твою землю, к ногам этой безрассудной, безропотной, незадачливой, ненаглядной? Ты спишь. Тишина. Тишина сладко дышит жизнью. Свет лампы падает на белые листы бумаги и золотистым бликом плавает на поверхности чернил. Вот сейчас. Разгонистым почерком, заботясь о том, чтобы внешность написанного была в гармонии с сутью, —

я

буду

писать.

Я почувствую себя только поводом и опорной точкой. Язык – эта родина и вместилище красоты – сам начнёт думать и весь станет музыкой. Речь сама силой своих законов создаст по пути размер, и рифму, и тысячи других форм. Ты спишь. Искусство служит красоте. Я окунаю перо в чернильницу.

2020 — 2021.